СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 4.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1901 ГОДА.

Отчетъ и рецензіи I—VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1903 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1901 года Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ. . . . . 1— 16

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи *А. Л. Соколовскаго.* (Спб. 1894—1898. 8 томовъ)». — Рецензія Н. Стороженко . 19— 42

II. «*К. Станюковичъ:* Собраніе сочиненій, томы I и II. — Морскіе разсказы (М. 1897 г.)». — Рецензія А. Потѣхина . . . . . 43— 53

III. «Потерянный и возвращенный рай, поэмы Д. Мильтона въ новомъ стихотворномъ переводѣ *О. Н. Чюминой* (съ 50-ю большими рисунками художника Г. Доре). Изданіе А. А. Каспари. С.-Петербургъ 1899». — Рецензія О. Корша . . . . . 54— 57

IV. «*И. Стешенко:* Поэзія И. П. Котляревскаго. (Къ столѣтнему юбилею его Энеиды). 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ. 1898 г. Стр. 1—232». — Рецензія А. Крымскаго. . . . . 58— 66

V. «Отзвуки души. Стихотворенія *К. Льдова*». — Рецензія А. Жемчужникова . . . . . 67— 71

VI. «Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ *Н. Гальковскаго.* Сумы. 1897, больш. 8⁰, XVI+247». — Рецензія П. Ровинскаго. . . . . 72—106

VII. «*Ф. Заринъ:* Стихотворенія. (С.-Петербургъ. 1899)». — Рецензія Гр. А. Голенищева-Кутузова . . . . . 107—109

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1904_75_4

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1901 года Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ торжественномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ пріятно заявить, что ему и составляющему съ нимъ одно цѣлое Разряду изящной словесности предстояло въ этомъ году разсмотрѣть большое число сочиненій и литературныхъ трудовъ, представленныхъ на XIV-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина, и что среди нихъ нашлось нѣсколько выдающихся по своимъ достоинствамъ произведеній.

Всего на означенное соисканіе премій поступило *двадцать пять* сочиненій, изъ которыхъ *одно*, по просьбѣ доставившаго его автора, перенесено было на одну изъ другихъ академическихъ премій; четыре (три драматическихъ и одно повѣствовательное въ прозѣ) были сняты съ конкурса и возвращены авторамъ, какъ не удовлетворяющія Правиламъ о присужденіи Пушкинскихъ премій, остальныя же въ числѣ двадцати одного были разсмот-

рѣны академиками и приглашенными сторонними учеными и литераторами, — причемъ *двѣнадцать* изъ нихъ были признаны соединеннымъ засѣданіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности не заслуживающими награжденія; среди послѣднихъ оказалось: пять сборниковъ стихотвореній, большею частію оригинальныхъ, шесть сочиненій въ повѣствовательной формѣ (четыре въ прозѣ и два смѣшанно въ стихахъ и прозѣ) и одинъ сборникъ путевыхъ очерковъ.

Такимъ образомъ награжденію преміями подлежало, согласно §§ 4 и 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, *шесть* сочиненій и еще *два* сочиненія, оставшіяся отложенными отъ предыдущаго XIII-го конкурса 1899 года за неполученіемъ къ сроку на нихъ рецензій, всего же *восемь* литературныхъ и научныхъ трудовъ.

I.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Томы I—VIII. Спб. 1894—1898 гг.

Рецензія на означенный трудъ была составлена по порученію Отдѣленія членомъ-корреспондентомъ его, профессоромъ Н. И. Стороженкомъ.

Г. рецензентъ въ общихъ чертахъ далъ нижеслѣдующій отзывъ объ объемистомъ трудѣ г. Соколовскаго:

Стихотворный переводъ полнаго собранія драматическихъ произведеній Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, — въ высшей степени отрадное явленіе. Болѣе тридцати лѣтъ употребилъ почтенный переводчикъ на свой колоссальный трудъ, въ который вложилъ столько знанія, любви и надеждъ. Онъ трудился систематически, ohne Hast und ohne Rast — какъ сказалъ бы Гёте, — и имѣлъ счастье дожить до конца своей многолѣтней работы. Воодушевленный страстною любовью къ Шекспиру,

переводчикъ, повидимому, не чувствовалъ утомленія; послѣдній томъ переведенъ у него также тщательно, какъ и первый, и потому, чтобы судить о достоинствахъ и недостаткахъ перевода г. Соколовскаго, достаточно разсмотрѣть любую изъ переведенныхъ имъ пьесъ. Какую же цѣль поставилъ онъ себѣ? Хотѣлъ ли онъ, подобно Кетчеру, быть какъ можно ближе къ оригиналу, сохраняя всѣ особенности Шекспировской фразеологіи; рѣшился ли, подобно Дружинину, смѣло отбросить преувеличенное благоговѣніе къ буквѣ, стремясь передать лишь поэзію оригинала, тщательно отбрасывая всѣ обороты, несовмѣстные съ духомъ русскаго языка; или же, наконецъ, увлеченный примѣромъ Шлегеля и Тика, онъ сдѣлалъ попытку разрѣшить почти неразрѣшимую задачу — сохранить одновременно и букву, и поэзію оригинала? Въ обширномъ предисловіи къ своему переводу г. Соколовскій высказываетъ весьма опредѣленно свой взглядъ на свою задачу. Отправляясь отъ мысли, давно уже высказанной Шлегелемъ, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, т. е. стихами, глубоко убѣжденный, что рано или поздно Шекспиръ долженъ сдѣлаться и у насъ такимъ же популярнымъ и даже національнымъ поэтомъ, какимъ онъ сдѣлался въ Германіи, новый переводчикъ задался цѣлью дать въ руки русскаго читателя такой переводъ, при чтеніи котораго передъ глазами вставалъ бы не одинъ сухой скелетъ подлинника, но самыя его картины во всей ихъ свѣжести и красотѣ и притомъ отнюдь не оскорбляя ни уха, ни чувства оборотами и рѣчами, чуждыми духу того языка, на который текстъ переводится. По мнѣнію г. Соколовскаго, труднѣйшая задача переводчика состоитъ не столько въ вѣрной передачѣ подлинника, сколько въ сохраненіи того оригинальнаго характера, которымъ проникнуто переводимое произведеніе, сообразно съ личностью автора, съ нравами и особенностями страны и среды, какія онъ изображалъ. Зная все это, напередъ можно предвидѣть, что г. Соколовскій не будетъ гнаться за буквой подлинника, что онъ сознательно отступитъ отъ нея, лишь бы сохранить его духъ и поэзію.

Извѣстно, что у Шекспира встрѣчается не мало оборотовъ, которые, будучи переведены буквально, могутъ поразить русское ухо. Въ такихъ случаяхъ переводчикъ, идя въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Дружинина, старается подыскать русскія выраженія, равносильныя по духу и энергіи подлиннику. Ни у кого изъ русскихъ переводчиковъ, продолжаетъ рецензентъ, мы не встрѣтимъ такого добросовѣстнаго отношенія къ тексту Шекспира. Г. Соколовскій долго работалъ надъ нимъ, сжился душей съ своимъ любимымъ поэтомъ, пользуется всѣми извѣстными изданіями его произведеній, призываетъ къ отвѣту и ранніе in-quarto и позднѣйшіе in-folio, тщательно сопоставляетъ ихъ между собою, знаетъ всѣ поправки, предложенныя критиками, и, сравнивая ихъ между собою, искусно отдѣляетъ пшеницу отъ наносныхъ плевеловъ. Отсюда необыкновенная полнота его перевода. Онъ не опускаетъ ни одной реплики, ни одной пѣсенки и вноситъ въ свой переводъ все, что сообщая рѣчи оригинальный Шекспировскій колоритъ, не противорѣчитъ духу русскаго языка; если же въ текстѣ встрѣчаются выраженія мало понятныя читателю, то онъ, не измѣняя ихъ смыслу, измѣняетъ только ихъ форму. Конечно, если сравнить отдѣльныя мѣста въ переводахъ г. Соколовскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Каткова или Дружинина, то у послѣднихъ они окажутся красивѣе и поэтичнѣе, но взятый въ цѣломъ переводъ любой пьесы Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, окажется болѣе Шекспировскимъ по колориту, чѣмъ переводы его предшественниковъ.

Переводу Шекспировскихъ драмъ г. Соколовскій предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ старается выяснить значеніе Шекспира въ исторіи всемірной литературы; затѣмъ слѣдуетъ краткая біографія поэта; а въ заключеніе г. Соколовскій высказываетъ свой взглядъ на задачу русскаго переводчика произведеній Шекспира. Къ числу немаловажныхъ достоинствъ труда г. Соколовскаго принадлежитъ то, что каждой переведенной имъ пьесѣ предпосланъ обстоятельный критическій этюдъ о ней. Въ этюдахъ этихъ нерѣдко проявляется тонкое

критическое чутье и значительная начитанность автора въ области Шекспировской критики.

Свою рецензію профессоръ Стороженко заканчиваетъ слѣдующими словами: «Разсмотрѣвъ переводъ драмъ Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, и указавъ на достоинства и недостатки этого многолѣтняго колоссальнаго труда, въ который вложено переводчикомъ столько любви, знанія и таланта, я считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Соколовскаго *полной Пушкинской преміей*».

II.

К. Станюковичъ: Собраніе сочиненій, томы I и II. — Морскіе разсказы (М. 1897 г.).

Означенное сочиненіе г. Станюковича было критически разсмотрѣно Почетнымъ Академикомъ А. А. Потѣхинымъ.

Собраніе сочиненій К. Станюковича въ двухъ томахъ, представленное на соисканіе Пушкинской преміи, заключаетъ въ себѣ болѣе 30 разсказовъ, очерковъ и характеристикъ, относящихся къ жизни и быту русскаго военнаго флота. Въ живыхъ, разнообразныхъ типахъ русскаго матроса и морского офицера онъ изображаетъ ярко и рельефно эту жизнь и бытъ, начиная съ царствованія императора Николая I-го до позднѣйшаго времени. Особенно подробно при этомъ выступаетъ періодъ реформъ во флотѣ, въ 60 и 70-хъ годахъ. «Во всѣхъ этихъ разсказахъ авторъ является не историкомъ-изслѣдователемъ или лѣтописцемъ-бытописателемъ, но настоящимъ художникомъ, воспроизводящимъ жизнь и дѣйствительность, хотя по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, но совершенно объективно, безъ преувеличеній, прикрасъ и искаженій. Всѣ его разсказы дышатъ искренностью, безпристрастіемъ, настоящею правдою, при полной реальности.

Въ своихъ «Морскихъ разсказахъ» онъ вывелъ цѣлую галле-

рею типовъ современнаго русскаго военнаго флота отъ послѣдняго воришки и пропоицы матроса до адмирала включительно. «Морскіе разсказы» автора — это живая панорама, въ которой вы видите всю жизнь, всѣ подробности быта, всю душу, все міросозерцаніе русскаго моряка на разныхъ степеняхъ служебнаго положенія и нравственнаго развитія.

Г. Станюковичъ не только художникъ-жанристъ: у него есть превосходныя описанія шторма, штиля, тропической ночи, Рождественской ночи и Свѣтлаго праздника въ морѣ. Эти описанія иногда служатъ только фономъ картины, но чаще составляютъ самостоятельное художественное произведеніе. Нельзя не замѣтить, что иногда, особенно въ описаніяхъ, авторъ повторяется, употребляя одни и тѣ же эпитеты и выраженія; замѣтно и однообразіе въ приступахъ къ разсказу; такъ, напримѣръ, многіе разсказы начинаются словами: «въ этотъ день», и безпрестанно повторяются слова: «умопомрачающая чистота судовъ» и т. п.

Встрѣчается и неправильность въ выраженіяхъ, какъ, напр., «разставилъ ноги фертомъ», что и физически невозможно, — и т. п. Но это замѣчается только при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи разсказовъ и есть не болѣе, какъ недосмотръ, который легко можетъ быть исправленъ и устраненъ, и только нѣсколько мѣшаетъ художественному впечатлѣнію, не нарушая его. Въ общемъ, по мнѣнію рецензента, «Морскіе разсказы» г. Станюковича, не смотря на свою, такъ сказать, спеціальность по взятой области наблюденія, имѣютъ большое общественное значеніе, представляютъ большую художественную литературную цѣнность и вполнѣ заслуживаютъ *преміи* во имя Пушкина. Можно указать также на растянутость нѣкоторыхъ разсказовъ, на недостатокъ въ нихъ компактности и сжатости, на обильное уснащеніе ихъ эпизодическими вставками, отвлекающими читателя отъ основной идеи или отъ главнаго сюжета; но эти недостатки покрываются прекраснымъ изложеніемъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ; разговорный же языкъ матросовъ — живой, неподдѣльный, своеобразный и характерный, безъ произвольныхъ авторскихъ прикрасъ и

искаженій, составляетъ особое достоинство всѣхъ разсказовъ г. Станюковича.

III.

Потерянный и Возвращенный Рай, поэмы Д. Мильтона, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Чюминой, съ 50 рисунками Г. Доре. Спб. 1899 г.

Разборъ означеннаго переводнаго произведенія г-жи Чюминой былъ сдѣланъ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

Это изданіе, выпущенное въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Родина», открывается довольно широковѣщательнымъ предисловіемъ «Отъ издателя», гдѣ онъ, послѣ очень высокой оцѣнки перевода, пріобщаетъ себя къ славѣ переводчицы, называя трудъ и свой и ея «грандіознымъ». Похвальба издателя едва ли вполнѣ основательна, такъ какъ иллюстраціи далеко не вездѣ удовлетворительны (смотри, напр., изображеніе Адама и Евы послѣ стр. 132) и по мѣсту такъ отстаютъ отъ текста, что относящіяся къ «Потерянному Раю» находятся между страницами «Возвращеннаго» безъ всякаго предувѣдомленія, гдѣ бы слѣдовало, что къ такимъ-то словамъ поэта есть картинка, вслѣдствіе чего читатель не можетъ пользоваться текстомъ и его живописными поясненіями одновременно.

Что до труда переводчицы, то онъ былъ, если не «грандіозенъ», то и не малъ. Впереди она помѣстила хорошо составленную біографію Мильтона. За нею слѣдуютъ примѣчанія къ «Потерянному Раю», объясняющія преимущественно собственныя имена, библейскія и классическія, которыхъ въ поэмѣ много.

Переводила г-жа Чюмина, хотя и не такъ, какъ заявляетъ издатель въ предисловіи: «не отступая ни на шагъ отъ оригинала», — однако въ общемъ все таки близко и могла бы передать подлинникъ еще ближе, сохранивъ кос-какія опущенныя ею частности, въ родѣ эпитетовъ и другихъ не особенно существен-

ныхъ словъ, если бы она не стѣсняла себя, повидимому, числомъ стиховъ, что̀ совершенно излишне при отсутствіи строфъ и даже риѳмъ.

«Если въ переводѣ г-жи Чюминой, говоритъ рецензентъ, и есть гдѣ нѣкоторыя частныя неточности, — онѣ не особенно важны, а текстъ вездѣ переданъ вѣрно, и съ точки зрѣнія общаго впечатлѣнія переводъ О. Чюминой можно признать близкимъ къ подлиннику, чему въ значительной степени содѣйствуетъ форма, т. е. языкъ, правильный и поэтическій, и строй стиха, строго выдержанный и звучный.

«На основаніи этихъ данныхъ я предполагалъ бы возможнымъ удостоить переводъ О. Чюминой *Пушкинской преміи въ половинномъ размѣрѣ.*»

IV.

И. Стешенко: Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ 100-лѣтнему юбилею его „Энеиды“. — 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ. 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ, 1899 г.

Рецензія труда г. Стешенка по порученію Отдѣленія написана А. Е. Крымскимъ.

Общая мысль первой части труда г. Стешенка, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ. Форма перелицованной малорусской «Энеиды» Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованной русской «Энеиды» Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ «Энеидъ», малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя почти буквально; но такъ какъ «Энеида» Осипова вышла въ 1791 году, а «Энеида» Котляревскаго уже въ 1798-мъ году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ

обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумауэра (1784 г.), написанной на языкѣ нѣмецкомъ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумауэромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумауэромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ—Котляревскій. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія, но г. Стешенко счелъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыя едвали могли кому-нибудь прійти въ голову.

Совершенно иначе написана г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что́ когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816 года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обозрѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83 — 151 его книги, т. е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ, напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.—Полной Пушкинской преміи

книга г. Стешенка, конечно, не заслуживаетъ, — заключаетъ свою рецензію г. Крымскій, но въ виду того, что г. Стешенкомъ затрачено на нее большое количество и труда, и времени, и что библіографическій обзоръ литературы о Котляревскомъ всегда останется положительной заслугой этой книги, рецензентъ ходатайствуетъ передъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи труда г. Стешенка *половинной преміей*.

V

К. Льдовъ. Отзвуки души. Стихотворенія. Спб. 1899 г.

Разсмотрѣніе сборника стихотвореній г. Льдова принялъ на себя Почетный Академикъ А. М. Жемчужниковъ.

Г. Льдовъ, замѣчаетъ рецензентъ, — «поэтъ серьезный и искренній. Муза его вдохновляется природой, любовью, религіознымъ чувствомъ, смысломъ жизни и тайнами смерти. Тонъ его пѣсенъ — по преимуществу вдумчиво-грустный и иногда суровый. Въ нихъ нѣтъ веселости и жизнерадостности, но онѣ и не носятъ на себѣ печати пессимизма, гнѣва или отчаянія. Въ его стихотвореніяхъ слышится снисходительность, но не индифферентность. Въ нихъ нѣтъ юмору, но нѣтъ и сухости. Во всякомъ случаѣ, при характерѣ серьезности, о которомъ я упомянулъ, онѣ далеко не скучны».

Слогъ его также совсѣмъ не педантиченъ; но во многихъ случаяхъ тонъ, однако, не достаточно простъ и свободенъ. Въ своемъ послѣсловіи г. Льдовъ говоритъ, что ему приписывали въ печати преднамѣренное тяготѣніе къ «символической школѣ» и даже къ декадентству, но это мнѣніе онъ называетъ ошибочнымъ, выражая убѣжденіе, что въ русской поэзіи не можетъ быть рѣчи ни о какой иной школѣ, кромѣ Пушкинской. Это совершенно вѣрно, такъ же какъ и то, что «въ мірѣ русскаго поэтическаго слова какъ бы возникла новая стихія». Повтореніе Пушкина по содержанію и по формѣ для современнаго поэта

конечно необязательно; а если онъ самобытенъ, то и невозможно, продолжаетъ рецензентъ; «въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ формѣ г. Льдова, въ которой я призналъ недостатокъ простоты, я вовсе не желаю и не имѣю права требовать отъ него простоты Пушкинской; но мнѣ кажется, что его стихъ часто, не скажу вычуренъ, но слишкомъ изысканъ. Стихи г. Льдова мнѣ представляются въ видѣ ткани, нѣсколько обремененной причудливыми узорами. Изысканность формы и обиліе украшеній иногда затемняютъ сущность мысли и чувствъ поэта».

Г. Льдовъ пишетъ вообще сжато. Онъ не любитъ многословія, и это составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ свойствъ въ поэтѣ. «Г. Льдовъ, — заключаетъ рецензентъ, — относится къ себѣ строго, что̀ ручается за дальнѣйшее развитіе его симпатичнаго дарованія. Я читалъ его сборникъ съ большимъ интересомъ и съ чувствомъ уваженія къ личности автора, какъ она выразилась въ его стихотвореніяхъ.»

VI.

Н. Гальковскій: Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы, 1897 г.

Разсмотрѣніе означеннаго труда по просьбѣ Отдѣленія принялъ на себя П. А. Ровинскій.

Это — переводъ на русскій языкъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, большею частью изъ собранія Вука Стефановича Караджича, II-ой книги (изданной въ Вѣнѣ въ 1875 году), а частью изъ пѣсенъ, записанныхъ Гильфердингомъ, всего 59 пѣсенъ или 10611 стиховъ, какъ сосчиталъ самъ авторъ, что составитъ половину II книги собранія Вука С. Караджича и гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ переведено въ сборникѣ Гербеля «Поэзія Славянъ» (Спб. 1871). Переводчикъ распредѣлилъ ихъ по слѣдующимъ отдѣламъ: I — пѣсни миѳическія (12), II — косовскія (13), III — о Маркѣ Королевичѣ (28) и IV — позднѣй-

шія (6), въ числѣ которыхъ три, относящіяся къ Россіи. Переводу предпосланъ историческій очеркъ Сербіи отъ поселенія сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ и до окончательной погибели сербскаго царства; на послѣдующій затѣмъ періодъ авторъ также бросаетъ взглядъ, чтобы дать понятіе о положеніи сербскаго народа въ то время, когда на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ водворилось господство турокъ.

Очеркъ — по словамъ рецензента — составленъ хорошо; авторъ главнымъ образомъ останавливается на моментахъ и характерахъ, которые дали содержаніе пѣснямъ, какъ Косовская битва съ княземъ Лазаремъ и обстоятельствами, подготовившими его пораженіе; боярская рознь, взаимное недоброжелательство и интриги между великашами, ихъ недальновидность въ политикѣ; Марко Королевичъ, народный герой, но тоже плохой политикъ, и т. д.

Обращаясь къ выбору пѣсенъ, рецензентъ замѣчаетъ, что авторъ, имѣя въ виду пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи въ русской литературѣ, сообразовался прежде всего съ тѣмъ, что въ ней есть и чего нѣтъ. Поэтому онъ не переводитъ пѣсенъ, имѣющихся въ сборникѣ Гербеля, какъ: Построеніе Скадра, Бановичъ Страхинья, Юришичъ Янко, и еще около десятка; а около десятка повторяетъ, считая ихъ, можетъ быть, недовольно точно переведенными; это даетъ намъ возможность сдѣлать сравненіе.

Указавъ на достоинства перевода г. Гальковскаго, рецензентъ останавливается на его недочетахъ.

Само собою разумѣется, что замѣчанія наши, заключаетъ рецензентъ, далеко не исчерпываютъ всего переведеннаго г. Гальковскимъ; но ихъ достаточно, чтобы уяснить себѣ, откуда происходятъ его ошибки.

«Во многихъ случаяхъ, конечно, видно неполное знакомство переводчика съ сербскимъ языкомъ, прямо непониманіе нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Видно, что переводчикъ не вошелъ въ духъ языка и сербской народной поэзіи. Затѣмъ у всѣхъ пере-

водчиковъ мы замѣчаемъ слишкомъ малое знакомство съ бытомъ народа: съ его образомъ жизни и внутренними отношеніями, съ его жилищемъ и всею обстановкою, съ одеждой, пищей, оружіемъ и употребляемыми народомъ орудіями и т. д.».

Въ общемъ рецензентъ сочувственно относится къ труду переводчика и находитъ его полезнымъ пособіемъ для нашего знакомства съ славянствомъ.

VII.

Ф. Заринъ: Стихотворенія. Спб. 1899 г.

Рецензія на упомянутый трудъ написана Почетнымъ Академикомъ Графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній г. Зарина содержитъ въ себѣ пятьдесятъ мелкихъ стихотвореній, переводы Паризины Байрона и трехъ стихотвореній Ады Негри, оригинальную поэму «Сафаръ» и двѣ драматическія сцены — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ возраста автора, замѣчаетъ рецензентъ; говоримъ — къ сожалѣнію, потому что отъ этого обстоятельства въ значительной мѣрѣ должно зависѣть критическое отношеніе къ его произведеніямъ. Если авторъ — уже зрѣлый человѣкъ и сборникъ является плодомъ труда цѣлой жизни, книгу г. Зарина слѣдуетъ признать не заслуживающею вниманія. Если же авторъ — молодъ и подлежащая нашему разбору книжка его стихотвореній только — первый опытъ литературнаго творчества, мы не можемъ не признать въ г. Заринѣ молодого поэта, подающаго лучшія надежды, поэта, который можетъ со временемъ завоевать себѣ почетное мѣсто въ русской литературѣ, конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго саморазвитія и добросовѣстнаго труда надъ усовершенствованіемъ внѣшней формы своихъ прозведеній.

Отсутствіе въ поэзіи г. Зарина столь распространеннаго въ настоящее время недуга исканія чего-то новаго, небывалаго,

невиданнаго и неслыханнаго, безыскуственное отношеніе его къ избираемымъ имъ сюжетамъ, яркость образовъ и звучность стиховъ — все это вмѣстѣ взятое производитъ въ читателѣ самое пріятное и, такъ сказать, успокоительное впечатлѣніе. Правда, въ произведеніяхъ г. Зарина еще не проявляется полная самостоятельность, свойственная лишь зрѣлымъ талантамъ, — отъ всей книги вѣетъ духомъ нашихъ великихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова, избранныхъ авторомъ себѣ въ образцы; но самый выборъ такихъ образцовъ и независимость г. Зарина отъ чуждаго истинному искусству современнаго декаденства уже свидѣтельствуютъ о здоровьѣ и силѣ его поэтической природы. Притомъ г. Заринъ — не слѣпой подражатель; онъ пока только усвоиваетъ себѣ пріемы творчества нашихъ классиковъ, чему нельзя не порадоваться.

Представленный имъ на соисканіе премій сборникъ свидѣтельствуетъ о наличности въ его авторѣ поэтическаго дарованія. Г. Заринъ, какъ мы уже сказали выше, — если онъ притомъ очень молодъ, — подаетъ блестящія надежды.

Г. рецензентъ подалъ свой голосъ за присужденіе г. Зарину *преміи.*

VIII.

А. А. Навроцкій («Н. А. Вроцкій»): Драматическія произведенія. Томъ I. **«Государь-Царь Іоаннъ III Васильевичъ. Боярское правленіе».** Спб. 1900 г.

Разборъ означеннаго драматическаго произведенія г. Навроцкаго написанъ Академикомъ В. И. Ламанскимъ.

Драма или, какъ авторъ назвалъ, «трагедія Іоаннъ III» — говоритъ рецензентъ — заслуживаетъ сочувственнаго вниманія Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности, какъ новый опытъ русской драматической хроники, какъ стремленіе продолжать дѣло, такъ блестяще начатое Пуш-

кинымъ. Въ драмѣ г. Навроцкаго, впрочемъ, наиболѣе удавшіяся сцены и лица принадлежатъ не къ главнымъ лицамъ и не къ главнымъ сценамъ дѣйствія; Иванъ, герой драмы, — не живой, а блѣдный, мозаично-составленный образъ.

Можно, впрочемъ, надѣяться, что при новой переработкѣ пьесы, написанной какъ будто наскоро и не вездѣ достаточно продуманной, она могла бы быть съ успѣхомъ поставлена на сцену и послужила бы къ обогащенію нашего театральнаго репертуара по исторической драмѣ. При всѣхъ недостаткахъ, трудъ г. Навроцкаго заслуживаетъ *почетнаго отзыва*.

Объемистый въ восьми большихъ томахъ и содержательный трудъ А. Л. Соколовскаго привлекъ къ себѣ общее вниманіе соединеннаго засѣданія членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Почетныхъ Академиковъ Разряда изящной словесности, которое, по совмѣстномъ и внимательномъ обсужденіи и принимая въ соображеніе авторитетный голосъ г. рецензента, закрытою баллотировкою рѣшило присудить г. Соколовскому за его многолѣтній и талантливо исполненный трудъ, посвященный переводу и истолкованію всѣхъ драматическихъ произведеній Шекспира, — *полную премію имени А. С. Пушкина* (въ тысячу рублей).

Имѣя же въ виду выдающіяся достоинства трудовъ гг. К. Станюковича и О. Чюминой и одобрительные о нихъ отзывы гг. рецензентовъ, соединенное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности нашло необходимымъ наградить ихъ *Пушкинскими преміями въ половинномъ размѣрѣ* (по пятисотъ рублей каждому), что представилось возможнымъ по состоянію суммъ Пушкинскихъ капиталовъ.

Остальные пять трудовъ, а именно гг. Стешенка, К. Льдова, Н. Гальковскаго, Ф. Зарина и А. Навроцкаго положено наградить *почетными отзывами*.

Во изъявленіе своей искренней признательности гг. рецензентамъ за тщательно исполненные ими по особому порученію критическіе разборы и отзывы, Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ постановило выдать установленныя Пушкинскія-золотыя медали члену-корреспонденту, профессору Императорскаго Московскаго Университета Н. И. Стороженку, Почетному Академику А. А. Потѣхину, профессору Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ А. Е. Крымскому, Почетному Академику А. М. Жемчужникову, П. А. Ровинскому и Почетному Академику графу А. А. Голенищеву-Кутузову.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—VIII.

I.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи **А. Л. Соколовскаго** (Спб. 1894 — 1898. 8 томовъ).

Стихотворный переводъ полнаго собранія драматическихъ произведеній Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, есть въ высшей степени отрадное явленіе. Болѣе тридцати лѣтъ употребилъ почтенный переводчикъ на свой колоссальный трудъ, въ который онъ вложилъ много знанія, любви и надеждъ. Онъ трудился систематически, ohne Hast и ohne Rast — какъ сказалъ бы Гёте — и имѣлъ счастье дожить до конца своей многолѣтней работы. Воодушевленный страстной любовью къ Шекспиру, переводчикъ повидимому не чувствовалъ утомленія; послѣдній томъ переведенъ у него такъ же тщательно, какъ и первый, и потому, чтобъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ перевода А. Соколовскаго, достаточно разсмотрѣть любую изъ переведенныхъ имъ пьесъ Шекспира. Какую же цѣль поставилъ себѣ новый переводчикъ Шекспира? Хотѣлъ-ли онъ, подобно Кетчеру, быть какъ можно ближе къ оригиналу, сохраняя всѣ особенности шекспировой фразеологіи, или же онъ, подобно Дружинину, рѣшился смѣло отбросить преувеличенное благоговѣніе къ буквѣ и стремился только передать поэзію оригинала, тщательно отбрасывая всѣ обороты, несовмѣстные съ духомъ русскаго языка, или же, наконецъ, увлеченный примѣромъ Шлегеля и Тика, онъ сдѣлалъ попытку разрѣшить почти неразрѣшимую задачу — со-

хранить одновременно и букву и поэзію оригинала? Въ обширномъ предисловіи къ своему переводу г. Соколовскій высказываетъ весьма опредѣленно свой взглядъ на свою задачу. Отправляясь отъ мысли, давно уже высказанной Шлегелемъ, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, т. е. стихами; глубоко убѣжденный, что рано или поздно Шекспиръ долженъ сдѣлаться и у насъ такимъ же популярнымъ и даже національнымъ поэтомъ, какимъ онъ сдѣлался въ Германіи, новый переводчикъ Шекспира задался цѣлью дать въ руки русскаго читателя такой переводъ, чтобъ при чтеніи его передъ глазами читателя вставалъ не одинъ сухой скелетъ подлинника, но самыя его картины во всей ихъ свѣжести и красотѣ, и притомъ отнюдь не шокируя на ухо, на чувства оборотами и рѣчами чуждыми духу того языка, на который текстъ переводится. По мнѣнію г. Соколовскаго, труднѣйшая задача переводчика состоитъ не столько въ вѣрной передачѣ подлинника, сколько въ сохраненіи того оригинальнаго характера, которымъ проникнуто переводимое произведеніе сообразно съ личностью автора или съ нравами и особенностями страны и среды, какіе онъ изображалъ. Зная все это, напередъ можно предвидѣть, что г. Соколовскій не будетъ гнаться за буквой подлинника, что онъ сознательно готовъ отступить отъ нея, лишь бы сохранить его духъ и поэзію. Извѣстно, что у Шекспира встрѣчается не мало оборотовъ, которыя, будучи переведены буквально, могутъ сильно шокировать русское ухо; въ такихъ случаяхъ переводчикъ, идя въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Дружинина, старается подъискать русскія выраженія, равносильныя по духу и энергіи съ подлинникомъ. «Для достиженія этой цѣли — говоритъ г. Соколовскій — я, переводя тотъ или другой монологъ или сцену, старался прежде всего представить себѣ въ возможной ясности во-первыхъ характеръ лица, чьи слова переводятся, а во-вторыхъ то психическое состояніе, въ которомъ находилось лицо въ данную минуту. Затѣмъ задача моя была, строго оберегая малѣйшіе оттѣнки мысли подлинника, подыскать такія подходящія выраженія, какими то лицо, находясь въ данномъ положеніи, вы-

сказало бы свою мысль и чувство по-русски. Бывали и такіе случаи, когда я не останавливался даже передъ прибавкой къ тексту нѣсколькихъ словъ, какихъ въ немъ не было, если подобнаго рода прибавка, не вводя какой-нибудь новой мысли, способствовала болѣе ясному выраженію смысла, который иначе, при буквальной передачѣ, вышелъ бы блѣденъ или теменъ». (Томъ I, стр. 102 — 103). Въ виду такой постановки вопроса было бы несправедливо требовать отъ г. Соколовскаго буквальной вѣрности подлиннику, которой мы вправѣ требовать отъ перевода прозаическаго, но за то съ тѣмъ большей строгостью должно быть осуждено въ переводѣ г. Соколовскаго всякое уклоненіе отъ духа подлинника съ одной стороны и духа русскаго языка съ другой, а также всякая прибавка, которая, лишая рѣчь Шекспира свойственной ей краткости, ни мало не способствовала бы болѣе ясному пониманію смысла подлинника. Для того, чтобъ посмотрѣть, какъ г. Соколовскій выполнилъ свою задачу, мы избираемъ трагедію Макбетъ, надъ переводомъ которой трудились такіе опытные переводчики, какъ Кетчеръ, Кронебергъ и Юрьевъ. Въ III сценѣ перваго акта одна изъ вѣдьмъ грозится изсушить какъ былинку (as hag) мужа обидѣвшей ее матроски: «не смѣжитъ отъ очей ни днемъ, ни ночью, будетъ ныть и изнывать девятью девять недѣль; корабль его не потонетъ, но буря будетъ бить его». Кронебергъ перевелъ это мѣсто очень далеко отъ подлинника:

Въ черной пасти бурныхъ волнъ,
Ожиданья смерти полнъ,
Лютыхъ семью семь седмицъ
Не сомкнешь своихъ рѣсницъ!
Будешь чахнуть — не исчахнешь,
Будешь сохнуть — не изсохнешь,
День рожденья проклянешь,
Окаяннымъ пропадешь.

У Юрьева это мѣсто, хотя и увеличено вдвое противъ подлинника, но вышло по крайней мѣрѣ поэтично:

Изнывая всѣ девятью девять ночей,
Какъ отверженный міромъ, въ мученьи своемъ,
Въ душевной истомѣ и ночью и днемъ,
Не сомкнетъ онъ и на мигъ отягчаемыхъ сномъ
И безъ слезъ и безъ сна воспаленныхъ очей!
Не погибнетъ въ волнахъ, но корабль безъ снастей
Буду бить и трепать и кидать средь морей.

Вѣрный своей задачѣ приблизить Шекспира къ пониманію средней русской публики, г. Соколовскій, принимая въ соображеніе доброту русскаго человѣка, счелъ своимъ долгомъ прежде всего уменьшить мѣру наказанія несчастнаго матроса: въ подлинникѣ и у Юрьева онъ томится девятью девять недѣль, у Кронеберга семью семь, а у Соколовскаго всего девять недѣль:

Соломинки тоньше ржаной
Его изсосу, изсушу,
Измается день онъ деньской,
А ночью тоску припущу
Къ нему *подколодной змѣей!*
Родныхъ не узнаетъ онъ лицъ,
Промучится девять седмицъ.

Уменьшеніе наказанія на нѣсколько степеней, сравненіе тоски съ подколодной змѣей — все это безспорно въ русскомъ духѣ, но непонятно, какими соображеніями руководился переводчикъ, замѣнивъ былинку ржаной соломинкой, ибо выраженіе *изсушитъ какъ былинку* больше въ духѣ русскаго языка. Еще болѣе непонятна прибавка стиха

Родныхъ не узнаетъ онъ лицъ —

прибавка весьма неумѣстная, ибо, носясь по волнамъ Архипелага и Чернаго моря, англійскій матросъ едва-ли могъ встрѣтиться съ своими родными.

Въ той же сценѣ Банко обращается къ вѣдьмамъ, предсказавшимъ столько почестей Макбету, съ требованіемъ, чтобы они

предсказали что-нибудь и ему: «Скажите въ такомъ случаѣ и мнѣ» (Speak then to me). Это простое восклицаніе почему-то не понравилось переводчику, который поспѣшилъ замѣнить его церемонной фразой новѣйшаго изданія: «*Займитесь же и мной*»! звучащей нѣсколько странно въ устахъ полудикаго героя. Когда вѣдьмы предсказываютъ Макбету въ той же сценѣ корону, послѣдній въ раздумьи говоритъ самому себѣ:

Когда мнѣ случаемъ назначена корона,
То пусть онъ самъ на голову надѣнетъ
Корону мнѣ; *я не ударю пальцемъ*
О палецъ для того.

Хотя подчеркнутыхъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ, съ ними можно еще примириться, но съ чѣмъ мы не можемъ примириться, такъ это съ повтореніемъ разъ высказанной мысли въ концѣ слѣдующей сцены, когда назначеніе принца Кумберлэндскаго наслѣдникомъ престола вселяетъ въ душу Макбета мысль объ убійствѣ:

Принцъ Кумберлэндъ! вотъ дѣлу кто помѣха!
Пока онъ живъ — не будетъ мнѣ успѣха!
Все горе въ немъ! померкни звѣздный свѣтъ,
Чтобъ скрыть въ душѣ ужасныхъ мыслей слѣдъ!
Поступковъ злыхъ невольно глазъ боится,
Но если бы моимъ поступокъ самъ свершиться.

Не говоря уже о томъ, что послѣднихъ двухъ стиховъ совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ, а есть нѣчто совершенно противоположное*), повтореніе и разжевываніе одной и той же мысли совершенно не въ духѣ Шекспира; притомъ же употребленіе

*) «Пусть свершится то, что и по свершеніи страшно для взора». Юрьевъ перевелъ это мѣсто весьма удачно:

И пусть свершится то, на что взглянувъ,
Окаменѣетъ отъ испуга взоръ,
Когда ужь будетъ все совершено.

слова *поступокъ* въ отвлеченномъ смыслѣ вмѣсто слова *дѣло* неудачно, ибо при словѣ поступокъ невольно возникаетъ вопросъ: чей поступокъ?

Прочтя письмо мужа, извѣщающее о скоромъ прибытіи короля въ его замокъ, лэди Макбетъ (въ V сценѣ того же акта) въ упоеніи восклицаетъ:

Ко мнѣ, другъ дорогой!
Въ тебя вдохнуть съумѣю я рѣшимость!
Отвагой словъ помѣхи устраню
И прямо приведу къ завѣтной цѣли,
Указанной волшебнымъ предсказаньемъ
Обоимъ намъ.

Замѣна словъ *тебѣ* (To have *thee* crowned withal) словами *обоимъ намъ* не совсѣмъ удачна въ виду господствующаго въ критикѣ взгляда на женскій характеръ честолюбія лэди Макбетъ, въ силу котораго она желаетъ короны прежде всего для любимаго человѣка. Этого смягчающаго обстоятельства переводчикъ не хочетъ признать за лэди Макбетъ и вслѣдствіе этого вторично переиначиваетъ ея слова: въ заключительной сценѣ перваго акта лэди Макбетъ упрекаетъ мужа въ томъ, что онъ теперь колеблется достигнуть того, что самъ считалъ украшеніемъ жизни (which *thou* estim'est the ornament of life). Вмѣсто этого въ переводѣ Соколовскаго читаемъ

Хотѣлъ бы ты достать
Безцѣнный перлъ — мечту всей *нашей* жизни —
И ужъ, какъ трусъ, бормочешь ты не смѣло.

Мы обращаемъ вниманіе на всѣ эти мелочи, потому что отъ нихъ зависитъ тотъ или иной взглядъ на характеръ Макбета. У Шекспира не даромъ говорится, что мысль о коронѣ была давнишней задушевной мечтой Макбета, о которой онъ не разъ говорилъ женѣ задолго до убійства, и даже обдумывалъ и время и мѣсто, гдѣ всего удобнѣе было совершить его, такъ что, если

лэди Макбетъ играла главную роль въ самомъ актѣ убійства, то интеллектуальнымъ виновникомъ былъ безспорно ея мужъ. Шестая и седьмая сцены перваго акта переданы г. Соколовскимъ весьма удовлетворительно.

Второй актъ начинается вопросомъ Банко сыну: «много-ли еще осталось ночи»? Вопросъ этотъ выраженъ у Соколовскаго не русской фразой: *Какъ поздно, малый мальчикъ?* Вторая сцена II акта переведена ближе къ подлиннику, чѣмъ у Кронеберга, и читается легче, чѣмъ у Юрьева, за исключеніемъ послѣдняго стиха въ знаменитыхъ словахъ Макбета о снѣ. Перечисляя всѣ благодатныя свойства сна, надолго отъ него отнятаго, Макбетъ между прочимъ называетъ его питательнѣйшимъ блюдомъ на жизненномъ пиру (Chief nourisher in life's feast). Это прекрасное образное выраженіе замѣнено у г. Соколовскаго темнымъ и неуклюжимъ стихомъ:

Благодать природныхъ силъ.

Далѣе въ той же сценѣ переводчикъ неизвѣстно для какой цѣли невѣрно передалъ слова лэди Макбетъ мужу; въ подлинномъ сказано: «мужество тебя оставило совершенно» (Your constancy hath left you unattended), а въ переводѣ г. Соколовскаго:

Просто ты
Къ нему (т. е. убійству) не приготовился.

Стихъ этотъ можетъ, чего добраго, навести русскую публику на мысль, что по мнѣнію Шекспира къ убійству можно приготовиться какъ къ уроку. — Можно указать случай, когда, даже переводя прозой прозу подлинника, переводчикъ счелъ себя вправѣ обогатить подлинникъ цѣлой строкой собственнаго изобрѣтенія. Такъ, въ монологѣ привратника прибавлены слѣдующія слова, ничего не разъясняющія, потому что и безъ того все ясно: «Если бъ я — говоритъ привратникъ — былъ сторожемъ у адскихъ воротъ, то пришлось бы шевелить ключами чаще чѣмъ

теперь; *многихъ бы гостей пришлось тогда допрашивать!* — И, напротивъ того, можно привести случай, когда переводчикъ очень удачно отступилъ отъ подлинника въ словахъ Дональбэна. У Шекспира Дональбэнъ говоритъ: *наши слезы еще не выработались* (our tears are not yet brew'd). Г. Соколовскій, слѣдуя впрочемъ Кронебергу, удачно замѣнилъ эту фразу стихомъ:

Не время литься теперь слезамъ *).

Пойдемъ далѣе. Въ первой сценѣ третьяго акта переводчикъ вновь безъ достаточныхъ основаній отступаетъ отъ подлинника. У Шекспира Макбетъ спрашиваетъ Банко:

Вы уѣзжаете послѣ обѣда?

На что Банко отвѣчаетъ утвердительно: Да, государь! — Вмѣсто этого простого *да* переводчикъ влагаетъ въ уста Банко излишнюю и неправильную по-русски фразу, ибо здѣсь дѣло идетъ о будущемъ, а не о прошедшемъ:

Да, я точно
Былъ долженъ отлучиться.

Вслѣдъ за этимъ г. Соколовскій удачно перефразируетъ напутствіе Макбета Банко: «желаю вашимъ лошадямъ быстраго и вѣрнаго бѣга и поручаю Васъ спинамъ ихъ». Слова Макбета звучатъ по-русски нѣсколько странно, и переводчикъ хорошо сдѣлалъ, замѣнивъ ихъ слѣдующими стихами:

Желаю вамъ ретивыхъ
И вѣрныхъ лошадей, чтобы довезли
Онѣ благополучно васъ.

---

*) У Юрьева это мѣсто передано весьма неудачно:

Наши слезы
Еще сперлись въ груди и не готовы.

Въ той же сценѣ Макбетъ такъ описываетъ крайне тяжелое состояніе своей души:

Лучше было бы
Зарытымъ быть въ своей могилѣ съ тѣмъ, кого
Навѣкъ мы успокоили, чтобъ этимъ
Найти себѣ покой — чѣмъ выносить
Такую пытку вѣчнаго *сомнѣнья*,
Способнаго, пожалуй, довести
До сумасшествія. Дунканъ *привольно*
Лежитъ въ своей могилѣ и т. д.

Здѣсь слово *сомнѣнье* совершенно неумѣстно, ибо Макбетъ говоритъ не о сомнѣньяхъ, а о самомъ фактѣ убійства и вытекающей изъ него страшной душевной пыткѣ (torture of the mind), которая отравляетъ собой и дни и ночи его. Равнымъ образомъ неудаченъ эпитетъ *привольно*, ибо какое же приволье можетъ быть въ могилѣ? въ подлинникѣ сказано просто, что Дунканъ спитъ спокойно (well) послѣ тревожной лихорадки жизни.

Далѣе Макбетъ объясняетъ женѣ, что душевныя муки его усиливаются при мысли, что Банко и его сынъ живутъ.

Лэди Макбетъ. Но жизнь
Ихъ можетъ и прерваться.
Макбетъ. Этой мыслью
Я только живу. *Покончить можно*
Съ обоими. Такъ будь же весела
Поэтому и ты. Быть можетъ прежде
Чѣмъ летопырь успѣетъ облетѣть
Вокругъ старинной башни...
Свершится страшный подвигъ!

Весь тонъ рѣчи Макбета зловѣщій и загадочный; подчеркнутыхъ стиховъ нѣтъ, да и не могло быть въ его рѣчи. Если бы они были, то лэди Макбетъ нечего было спрашивать: какой же это подвигъ? А Макбету ей отвѣчать: этого тебѣ я не скажу.

Когда въ сценѣ пира (актъ III, сц. 4) лэди Макбетъ напо-

минаетъ мужу, чтобъ онъ былъ любезенъ съ гостями, ибо пиръ не въ пиръ, если онъ не приправленъ радушіемъ хозяина, Макбетъ у Шекспира отвѣчаетъ: О милая напоминальщица! (sweet remembrancer). Такъ какъ слово *напоминальщица* звучитъ некрасиво и не укладывается въ стихъ, то Кронебергъ замѣнилъ его словами: Да, правда, милый другъ! А Юрьевъ словами:

Благодарю
За доброе напоминанье.

Желая придать словамъ Макбета русскій колоритъ, г. Соколовскій заставилъ Макбета обратиться къ женѣ съ такой фразой:

Брани, брани, заводчица веселья!

Въ концѣ той же сцены Макбетъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда камни двигались, деревья говорили, а авгуры понимали языкъ птицъ и черезъ нихъ открывали сокровеннѣйшихъ убійцъ. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ соображеній переводчикъ приписываетъ эти чудеса самому Макбету:

Мнѣ рѣчь теперь ясна кампей, деревьевъ!
Крикъ ворона, зловѣщій голосъ совъ —

и къ этому прибавляетъ еще три стиха, о которыхъ и помину нѣтъ въ подлинникѣ:

Пророческій во всемъ я слышу голосъ,
Мнѣ громко вопіющій, чья теперь
Нужна мнѣ кровь.

Въ пятой сценѣ того же акта переводчикъ вкладываетъ въ уста царицы вѣдьмъ Гекаты такія выраженія о Макбетѣ, которыя скорѣе можно отнести къ Гамлету, чѣмъ къ Макбету:

Лишившись разсудка средь черныхъ видѣній,
Презрительный вызовъ онъ бросилъ судьбѣ,

Добра отречется въ порывѣ сомнѣній
И сгибнетъ на вѣки въ тяжелой борьбѣ.

Слова эти бросаютъ ложный свѣтъ на характеръ Макбета. По словамъ Гекаты, онъ погибнетъ не отъ своего скептицизма, а вслѣдствіе своей самонадѣянности и вытекающей отсюда вѣры въ свою безопасность, а извѣстно — говоритъ Геката, — что самонадѣянность (security) есть главнѣйшій врагъ человѣка, ибо въ силу своей самонадѣянности онъ будетъ возставать противъ судьбы и ставитъ себя выше мудрости и страха*).

Переходимъ къ 4 акту, который переведенъ въ общемъ удовлетворительнѣе третьяго. Въ сценѣ III въ разговорѣ Малькольма съ Мэкдофомъ о несчастномъ состояніи ихъ общей родины Шотландіи первый, назвавши Макбета тираномъ, самое имя котораго противно произнесть, вдругъ совершенно неожиданно прибавляетъ:

Злость его
Быть можетъ напускная. Вотъ Вамъ
Средство его смирить.

Подчеркнутыхъ стиховъ, конечно, нѣтъ въ подлинникѣ, потому что ими уничтожалась бы прежде высказанная характеристика Макбета; на какомъ основаніи они прибавлены отъ себя переводчикомъ — мы не знаемъ. Желая испытать Мэкдофа, Малькольмъ много распространяется о своихъ порокахъ и между прочимъ заявляетъ, что онъ одержимъ порокомъ *ненасытной скупости*, тогда какъ въ данномъ случаѣ *avarice* означаетъ не

*) Кронебергъ перевелъ это мѣсто очень плохо и замѣнилъ самонадѣянность слѣпотою; у Юрьева этотъ мотивъ сохраненъ:

Въ немъ вѣры въ счастье вспыхнетъ жаръ напрасный,
Онъ презритъ мудрость, страхъ и разумъ ясный.
Надъ смертью смѣясь, на страшный бой
Надменно выйдетъ онъ съ самой судьбой,
Всегда увѣренность въ судьбѣ своей —
Извѣстно вамъ — первѣйшій врагъ людей.

скупость, а жадность, что видно изъ послѣдующихъ словъ Малькольма:

Ставъ королемъ, я буду радъ зарѣзать
Всѣхъ тановъ поголовно, лишь бы только
Достались мнѣ ихъ земли.

Въ разговорѣ Малькольма съ Мэкдофомъ встрѣчается неловкое выраженіе: вмѣсто того чтобы сказать, что такой король недостоинъ жизни, сказано совсѣмъ не по-русски:

Онъ жить не стоитъ.

Описывая самыми мрачными красками состояніе Шотландіи Малькольму и Мэкдофу, прибывшій оттуда лордъ Россъ между прочимъ говоритъ:

Отчаянье сразило
Огульно всѣхъ какъ яростный и злой
Припадокъ бѣшенства.

Въ подлинникѣ стоитъ: where violent sorrow seems a modera ecstasy, т. е. гдѣ сильное горе кажется обычнымъ явленіемъ (собственно возбужденіемъ).

Руководимый желаніемъ приблизить Шекспира къ пониманію современнаго русскаго человѣка, г. Соколовскій нерѣдко употребляетъ слова и выраженія изъ современнаго разговорнаго жаргона, которыя неумѣстны въ переводѣ писателя XVI в. Такъ Россъ сообщаетъ о томъ, что многіе *порядочные* люди рѣшились выйти въ поле, чтобы возстать и свергнуть иго рабства; въ подлинникѣ many worthy fellows (многіе достойные люди). Замѣчательно, что это очень легкое мѣсто подверглось у русскихъ переводчиковъ самымъ превратнымъ толкованіямъ. Кетчеръ переводилъ слова *were out* (вышли въ поле) словомъ *спроважены:* много достойныхъ людей спроважено; Кронебергъ, понимающій выраженіе *were out* въ томъ же смыслѣ, переводитъ такъ:

Пронесся слухъ,
Что многія изъ знатныхъ лицъ убиты.

Исключеніе составляетъ Юрьевъ:

Выступило много
Мужей достойныхъ въ поле на тирана.

Въ пятомъ актѣ слѣдуетъ отмѣтить два мѣста, которыя подлежатъ исправленію. Въ сценѣ лунатизма, когда лэди Макбетъ уходитъ въ спальню, докторъ, наблюдавшій ея припадокъ, замѣчаетъ, что не даромъ ходятъ далеко дурные толки. Не вѣря въ сообразительность русской публики, которая, пожалуй, и не догадается, о какихъ толкахъ идетъ рѣчь, г. Соколовскій влагаетъ въ уста доктора другія слова:

Намекъ ужасный вырвался невольно
Изъ устъ ея

и въ примѣчаніи 85 разъясняетъ, почему онъ такъ переводитъ; но принять его толкованіе препятствуетъ слово abroad, которое показываетъ, что тутъ дѣло идетъ не о намекѣ, вырвавшемся невольно изъ устъ лэди Макбетъ, а о слухахъ, которые носились вездѣ въ окрестностяхъ (abroad). — Въ третьей сценѣ Макбетъ говоритъ доктору:

А ты возьмись лѣчить мнѣ государство,
Сунь носъ въ его мочу и т. д.

Въ подлинникѣ сказано: *изслѣдуй мочу моего государства* (Cast the water of my land), ибо въ эпоху Шекспира медицина уже занималась изслѣдованіемъ мочи больнаго, а замѣна изслѣдованія сованіемъ носа доктора въ мочу можетъ навести на мысль, что изслѣдованіе только этимъ и ограничивалось.

Познакомившись съ общими пріемами работы г. Соколовскаго, возьмемъ теперь на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ различныхъ драмъ Шекспира и сравнимъ переводъ ихъ, сдѣланный

г. Соколовскимъ, съ переводами другихъ переводчиковъ. — Изъ русскихъ переводчиковъ Шекспира г. Соколовскій стоитъ ближе всѣхъ къ Дружинину. Оба они сознательно стремятся передать не букву, но духъ и поэзію подлинника; оба они тщательно избѣгаютъ фразъ и оборотовъ, чуждыхъ духу русскаго языка; разница между ними не въ методѣ работы, а въ силѣ поэтическаго таланта. Г. Дружининъ безспорно обладаетъ бо́льшимъ вкусомъ и лучше владѣетъ стихомъ; оттого его переводы читаются легче. У Дружинина въ его переводѣ Лира мы нигдѣ не встрѣтимъ тяжеловатыхъ стиховъ въ родѣ слѣдующихъ:

Но увидя,
Что въ мигъ одинъ успѣлъ ужь ободрить
Себя я чувствомъ правды и т. д. (Актъ II, Сц. I),

или:

Свою я старость думалъ успокоить,
Довѣрившись рукамъ ея (Актъ I, Сц. I).

На вопросъ Кента, кто сидитъ въ шалашѣ, шутъ отвѣчаетъ: его милость король и голякъ (Here's grace and cod-piece). У Дружинина: Король и Колпакъ. У г. Соколовскаго хотя и ближе къ буквѣ подлинника, но за то крайне тяжело и не совсѣмъ ясно:

Охабка величія съ пустымъ стручкомъ.

Чтобъ понять эту фразу, нужно обратиться за разъясненіемъ къ соотвѣтствующему примѣчанію, чего, конечно, театральная публика не сдѣлаетъ. Это пристрастіе къ народнымъ и вульгарнымъ выраженіямъ отчасти объясняется тѣмъ, что Соколовскій имѣлъ въ виду главнымъ образомъ сцену, а г. Дружининъ читающую публику — преимущественно образованную молодежь обоего пола, которую онъ хотѣлъ заинтересовать Шекспиромъ. Опасаясь отпугнуть эту публику шекспировскими эвфуизмами и непонятными ей современными намеками, Дружининъ упрощалъ на каждомъ шагу роскошный метафорическій языкъ Шекспира, опускалъ современные намеки и даже реплики дѣйствующихъ

лицъ, если они ему казались задерживающими безъ нужды ходъ дѣйствія. Совершенно иначе поступаетъ г. Соколовскій. Болѣе увѣренный въ сочувствіи публики и принимая въ соображеніе требованія сцены, онъ бережнѣе обращается съ текстомъ Шекспира, не пугается современныхъ намековъ, не опускаетъ характерныхъ репликъ, переводитъ напр. всѣ пѣсни шута короля Лира, большая половина которыхъ была опущена его предшественникомъ, и старается только о томъ, чтобъ придать рѣчи Шекспира русскій колоритъ и тѣмъ приблизить его къ пониманію русской театральной публики. Отсюда такія выраженія: *Вотъ сказъ тебѣ! Былъ Лиромъ да сплылъ! Лыкомъ шитая ты образина!* и т. д. Въ особенности кишитъ руссизмами переводъ *Виндзорскихъ Проказницъ*, пьесы, бытовой тонъ которой повидимому самъ наталкивалъ на народныя выраженія. Тутъ мы встрѣчаемъ такія слова, какъ-*могарычъ*, *Батюшка баринъ*, *тетенька Пэджъ* и *глуздарь*, и такія выраженія: *Здорово, мать моя; все черезъ пень-колоду идти; тяпну его по башкѣ; тяпну съ нимъ чару Канарскаго; устрой такъ, чтобъ онъ всегда промежъ васъ съ ней состоялъ* и т. д. Всѣ эти руссизмы, нисколько не достигающіе цѣли, придаютъ дикціи пьесы несвойственный колоритъ. Не трудно замѣнить фунтъ по курсу десятью рублями, шерифа назвать земскимъ начальникомъ, а графство губерніей, но этимъ Шекспиръ не приблизится къ пониманію русскаго зрителя, а развѣ собьетъ его съ толку. Подобная руссификація была затѣяна въ пятидесятыхъ годахъ относительно Гомера. Извѣстный знатокъ классическаго міра Ордынскій вздумалъ было сдѣлать Иліаду народнымъ русскимъ произведеніемъ и для этой цѣли перевелъ ее слогомъ народныхъ русскихъ былинъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ герои Гомера бранились между собой какъ пьяные извощики, а пастырь народовъ Агамемнонъ восклицалъ: *А ну-те-ка оболокнемъ Ахеянъ!* Но попытка не удалась, и единственнымъ о ней воспоминаніемъ осталась прекрасная статья Каткова въ *Пропилеяхъ*, гдѣ была доказана нелѣпость мысли перелицовать на русскій ладъ Иліаду, забывая, что греческая и благополучно

поживающая русская народность мало походятъ другъ на друга. Хотя г. Соколовскій прибѣгаетъ къ пріему Ордынскаго только изрѣдка и иногда даже весьма удачно*), мы всетаки совѣтовали бы ему въ этомъ отношеніи бо́льшую осторожность, изъ опасенія придать Шекспиру несвойственный ему колоритъ, что и случилось съ г. Соколовскимъ въ той же пьесѣ, когда онъ, слѣдуя примѣру Кетчера, вздумалъ заставить валлисца пастора Эванса и француза доктора Каюса говорить языкомъ русскихъ нѣмцевъ и произносить такія фразы: *въ гербъ тѣснатцать сукъ* (*т. е. щукъ*): *сука шивотное плохоратное и первый трукъ человѣкъ*. Или: *если Анна Пэджъ не будетъ мой жонъ — я будетъ толкать твой въ шея*. При произнесеніи подобныхъ фразъ со сцены получится несомнѣнный комическій эффектъ, но эффектъ такого грубаго свойства, что его слѣдуетъ избѣгать. Поэтому съ бо́льшимъ тактомъ поступилъ одинъ изъ прежнихъ переводчиковъ *Виндзорскихъ Проказницъ* г. Вейнбергъ, совсѣмъ отказавшись отъ желанія передать по русски коверканіе англійскаго языка, производимое Эвансомъ и Каюсомъ. Не смотря на указанные недостатки, переводъ г. Соколовскаго отличается многими солидными достоинствами. Ни у кого изъ русскихъ переводчиковъ мы не встрѣтили такого добросовѣстнаго отношенія къ тексту Шекспира. Г. Соколовскій долго работалъ надъ текстомъ своего любимаго поэта, сжился съ нимъ душой. Онъ пользуется всѣми извѣстными изданіями текста Шекспира, призываетъ къ отвѣту и ранніе Quarto и позднѣйшіе In Folio, тщательно сопоставляетъ ихъ между собою; онъ знаетъ всѣ эмендаціи, предложенныя критиками, и, сравнивая ихъ между собою, искусно отдѣляетъ пшеницу отъ наносныхъ плевеловъ. Отсюда необы-

*) Такъ напримѣръ мы находимъ замѣну фамиліи мистера Брука (Brook значитъ ручей, потокъ) мистеромъ Струемъ весьма удачной, ибо она дала возможность переводчику внести въ свой переводъ всѣ связанные съ этимъ шекспировскіе каламбуры. Узнавъ, что мистеръ Струй приказалъ ему поднести кружку хересу, Фольстафъ восклицаетъ: Добро пожаловать всякому Струю, если онъ струится такой хорошей струей.

кновенная полнота его перевода. Онъ не опускаетъ ни одной реплики, ни одной пѣсенки шута и вноситъ въ свой переводъ все, что, сообщая рѣчи оригинальный шекспировскій колоритъ, не противорѣчитъ духу русскаго языка; если же въ текстѣ встрѣчаются выраженія, шокирующія русское ухо или мало понятныя публикѣ, то онъ, не измѣняя смысла, измѣняетъ только ихъ форму. Конечно, если сравнить отдѣльныя мѣста въ переводахъ г. Соколовскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Каткова или Дружинина, то у послѣднихъ они окажутся красивѣе и поэтичнѣе, но, взятый въ цѣломъ, переводъ любой пьесы Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, окажется болѣе шекспировскимъ по колориту, чѣмъ переводы его предшественниковъ.

Переводу шекспировскихъ драмъ г. Соколовскій предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ старается выяснить значеніе Шекспира въ исторіи всемірной литературы; затѣмъ слѣдуетъ краткая біографія поэта, а въ заключеніе г. Соколовскій высказываетъ свой взглядъ на задачу русскаго переводчика произведеній Шекспира. «Предпосылая тексту моего перевода — говоритъ онъ — краткую біографію Шекспира, я считаю необходимымъ сказать, что въ ней читатели найдутъ изложеніе лишь тѣхъ фактовъ его жизни, достовѣрность которыхъ доказана безусловно». Какъ ни строго подобное заявленіе, съ научной точки зрѣнія съ нимъ можно примириться, но съ чѣмъ нельзя примириться, такъ это съ тѣмъ, что авторъ, наряду съ полудостовѣрными анекдотами, наполняющими обыкновенно біографіи Шекспира, выбрасываетъ изъ біографіи поэта такіе вполнѣ достовѣрные и характерные факты, какъ напр. свидѣтельство Мереса о литературной дѣятельности Шекспира до 1598 или отзывъ Четтля и Бэнъ-Джонсона, лично знавшихъ поэта, объ его нравственномъ характерѣ. — Этихъ современныхъ отзывовъ никто никогда и не думалъ оспаривать; притомъ же они бросаютъ такой яркій свѣтъ на Шекспира, что ихъ можно найти въ самой краткой біографіи поэта. Нельзя одобрить также неловкаго критическаго пріема, въ силу котораго авторъ, такъ безпощадный къ

нетвердымъ фактамъ, самъ высказываетъ сужденія, лишенныя всякой фактической основы. Таковъ напр. его отзывъ о матери Шекспира, не умѣвшей подписать своего имени, которую онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ женщиной *образованной* (стр. 72); такъ напр. въ другомъ мѣстѣ (стр. 78) авторъ утверждаетъ, что Гринъ поносилъ Шекспира за тѣ нововведенія, которыя молодой поэтъ внесъ въ классическій строй прежней сцены — утвержденіе крайне неосновательное, ибо извѣстно, что Марло, Гринъ и Шекспиръ всѣ трое принадлежали къ народно-романтической школѣ драматурговъ и что Гринъ осыпалъ Шекспира бранью за то, что послѣдній, быстро достигнувъ извѣстности, отбивалъ у нихъ хлѣбъ, передѣлывая старинныя пьесы и дѣлая это лучше, чѣмъ они это дѣлали.—Говоря о переселеніи Шекспира изъ Стрэтфорда въ Лондонъ, авторъ отбрасываетъ мало достовѣрное преданіе о причинѣ, заставившей поэта оставить родной городокъ, и утверждаетъ, что Шекспиръ сдѣлалъ это потому, что былъ Шекспиромъ и что провести всю жизнь въ маленькомъ городишкѣ, среди мелкихъ житейскихъ дрязгъ, никакъ не могло входить въ его планы и надежды (т. I, стр. 77). Все это справедливо, но не вѣрна аналогія, проводимая по этому поводу между Шекспиромъ и Гете, который будто бы покинулъ Франкфуртъ и переселился въ Веймаръ, руководимый подобными же побужденіями. Авторъ забываетъ то обстоятельство, что если Шекспиръ бросилъ Стрэтфордъ для Лондона, чтобъ дать просторъ своимъ силамъ и сдѣлать свою карьеру, то Гете этого дѣлать было не нужно, ибо его литературная каррьера была въ то время уже сдѣлана; онъ былъ уже славнымъ авторомъ Геца и Вертера, и не онъ искалъ, а его искали.

Къ числу немаловажныхъ достоинствъ труда г. Соколовскаго принадлежитъ то, что каждой переведенной имъ пьесѣ Шекспира предпосланъ обстоятельный критическій этюдъ о ней. Въ этюдахъ этихъ нерѣдко проявляется тонкое критическое чутье и значительная начитанность автора въ области шекспировской критики. Какъ критикъ, г. Соколовскій принадлежитъ къ пси-

хологической школѣ и относится съ большимъ недовѣріемъ къ измышленіямъ нѣмецкой философской критики, которая стремится прежде всего найти въ каждой драмѣ Шекспира одну основную идею и навязать ее Шекспиру. Такъ поступаютъ Ульрици, Ретшеръ и отчасти даже Гервинусъ. Г. Соколовскій является убѣжденнымъ противникомъ этого рода критики. По словамъ г. Соколовскаго (т. I, стр. 250), Шекспиръ, подобно всѣмъ великимъ художникамъ, творилъ безъ предвзятыхъ идей, и если мы читаемъ въ его произведеніяхъ великіе для себя уроки, то лишь потому, что необычайная яркость, правда и сила его образовъ дѣлаетъ ихъ равнымъ твореніямъ самой жизни, изъ которой мы черпаемъ всю нашу премудрость. Хотя г. Соколовскому приходится не разъ говорить объ основной идеѣ той или другой пьесы, но онъ понимаетъ эту идею не въ смыслѣ непререкаемой отвлеченной формулы, изъ которой нѣмецкая критика выводитъ весь ходъ дѣйствія и всѣ характеры пьесы, а въ смыслѣ житейской истины или нравственнаго урока, который навѣвается содержаніемъ пьесы и составляетъ какъ бы общій выводъ изъ нея, а такихъ выводовъ можетъ быть много, ибо они зависятъ отъ личностей, которыя ихъ дѣлаютъ. Изучая драмы Шекспира съ психологической точки зрѣнія, отмѣчая психологическія стадіи развитія главныхъ характеровъ, авторъ прибѣгаетъ къ пріему, если не особенно новому, то во всякомъ случаѣ самому надежному: онъ постоянно сравниваетъ драмы Шекспира съ ихъ источниками и удивляется тому поразительному искусству, съ которымъ Шекспиръ съумѣлъ создать изъ неясныхъ намековъ хроники или новеллы цѣльные драматическіе характеры. Особенно хорошо проведена эта точка зрѣнія при сравненіи Макбета съ хроникой Голиншеда. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что эта хроника представляетъ собою не болѣе какъ сухой перечень событій, безъ всякой попытки ихъ осмыслить и связать, между тѣмъ какъ характеръ Макбета, въ томъ видѣ какъ онъ изображенъ Шекспиромъ, именно потому и замѣчателенъ, что въ немъ развертывается стройная исторія человѣческой души, выслѣжен-

ной въ мельчайшихъ изгибахъ и проведенной черезъ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ, самыхъ важныхъ психологическихъ положеній (т. I, стр. 375 — 76). Строгое проведеніе психологическаго метода по всѣмъ драмамъ Шекспира составляетъ несомнѣнную заслугу г. Соколовскаго. Если въ чемъ можно упрекнуть нашего автора, то развѣ въ его, правда довольно рѣдкихъ, экскурсіяхъ въ область психіатріи, науки еще не окрѣпшей, принципы которой нужно примѣнять съ большой осторожностью къ литературной критикѣ. Идя по слѣдамъ англійскихъ критиковъ-психіатровъ, г. Соколовскій находитъ въ Макбетѣ и нервную болѣзнь и яростное состояніе души, близкое къ острому помѣшательству. О послѣднемъ мы не будемъ спорить, ибо Макбетъ послѣдняго акта и своимъ приближеннымъ кажется помѣшаннымъ, но считать суевѣріе Макбета нервной болѣзнью едвали справедливо. Если суевѣріе нервная болѣзнь, то и источникъ его, невѣжество, тоже нервная болѣзнь, и тогда всѣхъ дикарей нужно признать нервно-больными — выводъ, съ которымъ едвали согласятся психіатры, утверждающіе, что нервныя болѣзни главнымъ образомъ развиваются на почвѣ высшей культуры. Подробный разборъ этюдовъ г. Соколовскаго выходитъ изъ предѣловъ данной намъ задачи, а потому мы ограничимся краткими замѣтками и укажемъ на недомолвки и пробѣлы, замѣченные нами при бѣгломъ чтеніи ихъ.—Разбирая, напримѣръ, характеръ лэди Макбетъ, авторъ въ особенности настаиваетъ на томъ, что въ противоположность мужу она совсѣмъ не имѣла совѣсти и потому не могла испытывать никакого раскаянія. По его мнѣнію, изображать лэди Макбетъ мучащеюся по собственной иниціативѣ страхомъ или угрызеніями совѣсти значило бы исказить ея характеръ до самаго основанія противъ того, какъ онъ былъ задуманъ (т. I, стр. 393). Не говоря уже о томъ, что Шекспиръ не любилъ изображать выродковъ человѣческой природы, взглядъ этотъ опровергается знаменитой сценой сомнамбулизма, въ которой лэди Макбетъ помимо своей воли высказываетъ ночью то, что тяготило ея душу днемъ, т. е. дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ Ри-

чардъ III во снѣ наканунѣ Босвортской битвы. — Изъ пьесы не видно, чтобъ лэди Макбетъ была лунатичкой; она сдѣлалась ею подъ вліяніемъ неотступныхъ думъ и угрызеній совѣсти, которыя она высказывала въ припадкѣ сомнамбулизма. Искусство Шекспира состояло въ томъ, что онъ съумѣлъ поставить сомнамбулизмъ лэди Макбетъ въ причинную связь съ жгучими муками совѣсти, которыя она подавляла днемъ и противъ которыхъ она была безсильна ночью, когда, объятая сномъ, она не могла контролировать ни своихъ рѣчей, ни своихъ поступковъ. Не принявъ этого въ соображеніе, авторъ бросилъ односторонній и ложный взглядъ на характеръ лэди Макбетъ, который можетъ привести въ недоумѣніе его читателей. Ту же односторонность проявилъ г. Соколовскій въ своемъ взглядѣ на загадочный характеръ Жака (въ комедіи *Какъ вамъ угодно*), котораго Жоржъ Зандъ назвала Альцестомъ эпохи Возрожденія. Авторъ видитъ въ Жакѣ только личность комическую и называетъ его маленькимъ комическимъ Тимономъ. — Ему не приходитъ въ голову, что Шекспиръ не былъ бы поэтомъ, если бы взглянулъ только съ комической точки зрѣнія на этого чувствительнаго до сентиментальности меланхолика, который одинаково способенъ проливать слезы надъ раненнымъ стрѣлою оленемъ и искренно скорбѣть о сбившемся съ пути человѣчествѣ. Самъ герцогъ, относившійся къ Жаку отрицательно и не признававшій за нимъ права обличать другихъ, такъ какъ въ юности онъ самъ былъ страшнымъ развратникомъ, тѣмъ не менѣе находилъ обличительныя тирады Жака глубокомысленными и любилъ ихъ слушать — знакъ, что онъ не видѣлъ въ Жакѣ только лицо комическое. При обсужденіи характера Жака не нужно упускать изъ виду ту роль, которую онъ играетъ въ экономіи пьесы. Роль эта состоитъ въ томъ, чтобъ быть коррективомъ къ пасторальной тенденціи пьесы. Сопоставляя между собой искусственную жизнь городовъ и простую нравственно-здоровую и близкую къ природѣ жизнь въ лѣсу и видимо отдавая преимущество послѣдней, Шекспиръ съ свойственною ему широтой взгляда хотѣлъ показать, что и эта послѣдняя не можетъ удовлетворить

человѣка съ тонко-чувствительной душой, потому что она основана на насиліи и жестокости по отношенію къ животнымъ. Выразителемъ протеста противъ этой жестокости и является Жакъ. Предваряя на два столѣтія свое время, великій поэтъ создалъ типъ родоначальника новѣйшаго сантиментализма, который говоритъ въ сущности то же, что будутъ говорить впослѣдствіи Стернъ и Бэрнсъ. Въ одномъ примѣчаніи къ *Виндзорскимъ Проказницамъ* г. Соколовскій дѣлаетъ тщетную попытку опредѣлить, къ какому періоду жизни Фольстафа относится дѣйствіе пьесы. Попытки эти дѣлались уже не разъ другими критиками и всегда безъ результата. Это происходило оттого, что критики обращали вниманіе не на общій смыслъ пьесы, а на разныя, противорѣчащія одна другой мелочи. Такъ поступаетъ и нашъ критикъ и думаетъ, что онъ рѣшилъ вопросъ, сославшись на слова Пэджа (актъ III, сц. 2), который, говоря о Фольстафѣ, замѣчаетъ, что онъ якшается въ компаніи принца и Пойнса, а такъ какъ эта компанія перестала существовать съ восшествія принца на престолъ, то комедія должна изображать эпизодъ изъ жизни Фольстафа до удаленія его отъ двора. Но такому толкованію противорѣчитъ роль Шалло, который передъ самой коронаціей далъ Фольстафу взаймы 1000 фунтовъ и съ тѣхъ поръ слѣдилъ за нимъ какъ тѣнь. Извѣстно преданіе, что пьеса была написана по заказу королевы Елизаветы и притомъ въ такой короткій срокъ (двѣ недѣли), что Шекспиру не было времени думать, къ какому періоду жизни Фольстафа отнести ея интригу. Предоставляя это собственной фантазіи зрителей, Шекспиръ думалъ только о томъ, чтобъ разсмѣшить королеву изображеніемъ любовныхъ подвиговъ Фольстафа. Если обращать вниманіе на мелочи, то пьесу можно отнести къ разнымъ періодамъ его жизни, но если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія типа Фольстафа, то, несомнѣнно, она должна быть отнесена къ послѣднему періоду, когда Фольстафъ настолько постарѣлъ и поглупѣлъ, что лишился своего прежняго юмора, остроумія и изворотливости и далъ себя поддѣть не разъ на такую удочку, на которую никогда бы не попался прежній Фольстафъ.

Поэтому авторъ не правъ, утверждая, «что Фольстафъ Виндзорскихъ Проказницъ влюбленный (?), осмѣянный и даже битый, звучитъ совершенно въ тонъ съ тѣмъ забавнымъ трусомъ и хвастуномъ, какимъ онъ былъ изображенъ прежде». Главный источникъ немногихъ попадающихся въ этюдахъ г. Соколовскаго промаховъ и недоразумѣній — это страстная любовь къ Шекспиру, не только закрывающая глаза на его недостатки, но иногда даже превращающая эти недостатки въ достоинства. Яркимъ примѣромъ этого пристрастія къ любимому поэту можетъ служить этюдъ г. Соколовскаго о Коріоланѣ. Что, плохо знакомый съ римскимъ государственнымъ устройствомъ, Шекспиръ изобразилъ въ ложномъ свѣтѣ борьбу сословій въ древнемъ Римѣ, что вмѣсто стойкихъ и сдержанныхъ плебеевъ онъ вывелъ на сцену не римскую, а современную ему англійскую чернь — объ этомъ было много писано не только въ иностранной, но и въ русской шекспировской критикѣ. Все это должно быть извѣстно автору, но это не помѣшало ему восхищаться историческимъ чутьемъ Шекспира. «Читая — говоритъ онъ — сцены драмы, гдѣ шумъ и галдѣнье толпы, увлекаемой хитрыми вождями трибунами, рѣшаетъ государственные вопросы бурнымъ натискомъ, подобно лавинѣ, мы видимъ передъ собою изображеніе древняго Рима лучше, чѣмъ могутъ его описать краснорѣчивыя страницы присяжныхъ историковъ» (томъ IV, стр. 19). Что до характера героя пьесы, то онъ понятъ нашимъ критикомъ слишкомъ односторонне и потому не вѣрно. Упустивъ изъ виду основной законъ шекспировской психологіи, сложность мотивовъ, г. Соколовскій считаетъ преобладающей чертой личности Коріолана страсть къ военной славѣ и выводитъ изъ этого свойства и его судьбу. При такомъ взглядѣ другая, не менѣе важная черта, патриціанская гордость Коріолана, отходитъ на второй планъ, а она-то и была главной причиной его изгнанія, ибо не жажда славы повела его къ Вольскамъ, а желаніе отомстить изгнавшей его родинѣ. Возставая противъ нѣкоторыхъ односторонніхъ увлеченій автора, мы держимся однакожъ того мнѣнія, что предпосланные переводу

пьесъ этюды, взятые въ цѣломъ, представляетъ собою весьма полезное пособіе для всякаго серьезно интересующагося Шекспиромъ.

Разсмотрѣвъ переводъ драмъ Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, указавъ на достоинства и недостатки этого многолѣтняго колоссальнаго труда, въ который вложено переводчикомъ столько любви, знанія и таланта, я считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Соколовскаго полной Пушкинской преміей.

Н. Стороженко.

II.

К. Станюковичъ: Собраніе сочиненій, томы I и II. — Морскіе разсказы (М. 1897 г.).

Собраніе сочиненій К. М. Станюковича въ 2 томахъ, представленное на соисканіе Пушкинской преміи, заключаетъ въ себѣ болѣе 30 разсказовъ, очерковъ и характеристикъ, относящихся къ жизни и быту русскаго военнаго флота. Въ живыхъ разнообразныхъ типахъ русскаго матроса и морскаго офицера онъ изображаетъ ярко и рельефно эту жизнь и бытъ, начиная съ царствованія Императора Николая 1-го до позднѣйшаго времени. Особенно подробно при этомъ выступаетъ періодъ реформъ во флотѣ, въ 60 и 70-хъ годахъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ авторъ является не историкомъ-изслѣдователемъ, или лѣтописцомъ бытописателемъ, но настоящимъ художникомъ, воспроизводящимъ жизнь и дѣйствительность хотя по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, но совершенно объективно, безъ преувеличеній, прикрасъ и искаженій. Всѣ его разсказы дышатъ искренностью, безпристрастіемъ, настоящею правдою, при полной реальности. Самый большій изъ нихъ по объему, подъ названіемъ «Грозный адмиралъ», рисуетъ типъ стараго служаки, грознаго командира корабля, созданнаго суровымъ режимомъ Николаевскаго времени, и ставитъ его въ столкновеніе съ новыми вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, съ «новымъ духомъ», которымъ

заразился его родной младшій сынъ, кадетъ, будущій морякъ. Герой этого разсказа, воспитанный на идеяхъ безусловнаго подчиненія и суровой дисциплины, отрицающій личное самосознаніе въ подчиненныхъ людяхъ, эгоистъ и самоуправецъ по натурѣ, адмиралъ Ветлугинъ, почувствовавшій власть командира въ своихъ рукахъ, дѣлается жестокимъ деспотомъ, признающимъ только себя, свою волю, свою личность. Безупречно честный, строгій исполнитель служебнаго долга, онъ заботится о пищѣ, здоровьѣ и довольствѣ матросовъ и въ то же время безпощадно наказываетъ ихъ за малѣйшую неисправность, бьетъ и запарываетъ до полусмерти, безжалостно вгоняетъ въ чахотку матросовъ безмѣрными требованіями и взысканіями. Совѣсть его остается спокойною, потому что онъ оправдываетъ себя сознаніемъ исполненнаго долга и непониманіемъ возможности другаго отношенія къ службѣ и людямъ. Освобожденный отъ командованія въ морѣ и получившій почетное служебное положеніе на сушѣ, на берегу, адмиралъ смотритъ на свой домъ, на свою семью, на жену и взрослыхъ дѣтей, какъ на управляемый имъ корабль съ подчиненной ему командой: и у себя дома онъ также суровъ и недоступенъ, также наслаждается внушаемымъ страхомъ и трепетомъ предъ своей особой, также слѣдитъ за строгимъ порядкомъ и самъ соблюдаетъ его по минутамъ, также взыскателенъ къ прислугѣ и бьетъ ее за малѣйшую неисправность, но считаетъ своимъ долгомъ заботиться о содержаніи и матеріальномъ довольствіи своей семьи въ тѣхъ размѣрахъ, какіе признаны имъ для себя обязательными, творя при этомъ только свою волю, свою мысль, свои убѣжденія и не предполагая даже возможности противоположныхъ ему взглядовъ и требованій. Всѣ новыя идеи, новыя вѣянія времени въ общественной жизни, всѣ новшества въ близкой его сердцу морской жизни и службѣ, до воспрещенія бить и увѣчить матросовъ, только возмущаютъ и оскорбляютъ его и ведутъ, по его мнѣнію, къ нарушенію общественнаго порядка и колебанію основъ, къ гибели. У него въ домѣ, въ семьѣ, все подчинено ему, все безпрекословно идетъ по

установленному имъ порядку, и конечно онъ не допуститъ никакой перемѣны въ немъ и никогда не потерпитъ никакой оппозиціи. И вотъ вдругъ онъ встрѣчаетъ ее, эту оппозицію, оттуда, откуда меньше всего ожидалъ ее — отъ самаго младшаго члена семьи, отъ своего любимца, младшаго сына, въ которомъ онъ видѣлъ и ожидалъ повторенія самого себя, въ кадетѣ морскаго корпуса, 17-лѣтнемъ Сережѣ. Зараженный новыми идеями о необходимости науки и болѣе широкаго и всесторонняго образованія, чѣмъ даетъ корпусъ, Сережа задумалъ поступить въ университетъ и осмѣлился прямо обратиться съ заявленіемъ объ этомъ желаніи къ грозному родителю, который не признавалъ никакой иной службы государству кромѣ военной, всѣхъ остальныхъ сыновей сдѣлалъ офицерами, а Сережѣ предназначалъ быть морякомъ и поддержать во флотѣ славу имени Ветлугина.

Прекрасно, художественно и правдиво изображено авторомъ это столкновеніе стараго отца съ юнымъ сыномъ, стараго, отживающаго свой вѣкъ, но сильнаго, крѣпкаго и упорнаго міросозерцанія съ нарождающимся новымъ, слабымъ еще, но горячимъ, пылкимъ, и такимъ же упорнымъ, борьба деспотизма, опирающагося на матеріальную силу, отрицающаго права единичной личности, и нравственная самозащита этой личности. Оскорбленный уже одною смѣлостью мальчика, осмѣлившагося заявлять личныя свои мысли и желанія, противныя взглядамъ и намѣреніямъ всемогущаго командира семьи, доведенный до бѣшенства смѣлостью и возраженіями сына-«щенка», старикъ бросился было бить сына, но былъ остановленъ и побѣжденъ безстрашнымъ упорнымъ взглядомъ сына и его фразою: «вы можете меня убить, но бить я себя не позволю... я не боюсь васъ». Отецъ опустилъ руки и безмолвно отступилъ, почувствовавъ нравственную силу, противопоставленную его — матеріальной. Конечно, адмиралъ не могъ уступить сыну-мальчишкѣ вполнѣ и устроилъ, что его отправили, прежде окончанія курса и производства, въ кругосвѣтное плаваніе, но онъ долженъ былъ сознаться въ глубинѣ души, что народилось что-то новое, для него непонятное, но

сильное, съ чѣмъ необходимо считаться. Конечно, адмиралъ не могъ уже измѣнить своихъ убѣжденій и подчиниться новому вѣянію, но онъ не могъ же не сознавать, что отступилъ предъ грознымъ и рѣшительнымъ взглядомъ и рѣзкимъ отвѣтомъ сына-мальчика, онъ, который собственноручно избилъ и топталъ ногами другого сына, уже взрослаго офицера, который сдѣлалъ безчестный поступокъ и долженъ былъ уйти изъ полка. Но грозный генералъ, деспотъ-отецъ, не является въ разсказѣ автора звѣремъ: онъ остается человѣкомъ, способнымъ любить и прощать, переживъ жгучее чувство обиды и оскорбленія, нанесеннаго ему мальчикомъ-сыномъ. Настоявъ на своемъ съ цѣлью лишить его возможности поступленія въ университетъ, онъ прощаетъ обидчика и, отпуская его въ дальнее путешествіе и на долгую разлуку, благословляетъ его съ любовью, съ возможной для него лаской и довѣріемъ, бесѣдуя почти какъ съ равнымъ и отвѣчая только иронической улыбкой на его смѣлыя рѣчи, которыми юноша прямо обнаруживалъ свое сочувствіе къ новымъ, ненавистнымъ отцу порядкамъ во флотѣ.

Авторъ вполнѣ дорисовываетъ фигуру адмирала, описывая его отношенія къ прочимъ членамъ семьи и послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ дикимъ безпощаднымъ звѣремъ и палачомъ сына, который сдѣлалъ безчестный поступокъ и отказался отъ предложенія отца застрѣлиться, чтобы смыть собственной кровью безчестіе, нанесенное его имени. Онъ выказывалъ явное презрѣніе и преслѣдовалъ ядовитыми и грубыми сарказмами и насмѣшками другаго сына, тоже офицера, типъ нарождавшагося въ то время фарисея-карьериста, несмотря на его раболѣпную почтительность къ отцу, внѣшне благоговѣйное согласіе съ его взглядами, убѣжденіями и правилами. Онъ видѣлъ, что этотъ сынъ, несмотря на свое видимое благонравіе и благонамѣренность и безукоризненную исправность по службѣ, способенъ былъ пробивать себѣ дорожку поднесеніемъ генеральшамъ просвирокъ и всякаго рода адъютантскимъ прислуживаніемъ — видѣлъ — и негодовалъ и презиралъ сына. Суровый, недоступный глава и вла-

дыка семьи, адмиралъ оказывалъ нѣкоторую благосклонность и довѣріе только къ одной дочери, Аннѣ, оставшейся въ невѣстахъ, дѣвушкѣ доброй, незлобивой, кроткой и миролюбивой, преданной семьѣ до самоотверженія. Къ женѣ своей адмиралъ относился равнодушно и пренебрежительно, какъ къ рабынѣ и экономкѣ, и совершенно обезличилъ ее. Онъ, не стѣсняясь, держалъ въ домѣ на глазахъ жены любовницъ изъ собственныхъ дворовыхъ дѣвушекъ, которыхъ, кстати сказать, съ варварскою жестокостью казнилъ за невѣрность, — и жена терпѣливо и великодушно не только переносила это оскорбленіе, но даже ласкала незаконную дочь своего мужа, воспитываемую имъ въ пансіонѣ. При освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, адмиралъ, съ вѣдома сыновей, подарилъ крестьянамъ 500 десятинъ оставшейся за надѣломъ земли въ своемъ родовомъ имѣніи и, раздѣливъ между всѣми дѣтьми поровну полученную выкупную ссуду, считалъ всѣ свои обязанности относительно семьи исполненными и послѣ смерти жены уѣхалъ изъ Петербурга въ провинціальный городъ вмѣстѣ съ бывшей крѣпостной экономкой. Живя тамъ по поговоркѣ: лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ, онъ велъ замкнутую жизнь высокопоставленнаго человѣка, который зналъся только съ губернаторомъ и отъ нечего дѣлать наблюдалъ добровольцемъ за порядкомъ въ городѣ, ревизуя и усовѣщевая торговокъ на базарѣ, и дѣлая замѣчанія и указанія полицейскимъ, и опонируя, по возможности, всякимъ вѣяніямъ новаго, ненавистнаго ему духа. Отъ семьи своей онъ совершенно устранился, тяготился, когда кто-нибудь изъ дѣтей пріѣзжалъ навѣстить его, никому самъ не писалъ и не отвѣчалъ на письма. И написалъ только младшему сыну, который, возвратясь изъ пятилѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, желалъ осуществить свое намѣреніе о поступленіи въ университетъ и просилъ у отца разрѣшенія выйти въ отставку изъ морской службы, угрожая, что если отецъ не разрѣшитъ добровольно, то онъ устроитъ такъ, что его съ позоромъ для имени Ветлугина выгонятъ изъ флота. Разгнѣванный и испуганный угрозою «упрямаго негодяя»,

онъ отвѣчалъ ему такимъ лаконическимъ и характернымъ посланіемъ: «позора не желаю и противъ вѣтра плыть не могу. Чортъ съ тобой, негодяй! Выходи въ отставку и забудь отнынѣ, что ты мой сынъ. Скотина! Адмиралъ Ветлугинъ». Онъ остался вѣренъ себѣ до послѣдней минуты жизни: самъ заблаговременно заказалъ себѣ гробъ по своему вкусу и строго взыскивалъ съ гробовщика за неаккуратность и непрочность работы, самъ сочинилъ проектъ намогильнаго памятника и надписи на немъ; гробъ и памятникъ содержались въ полномъ порядкѣ, и адмиралъ лично за этимъ наблюдалъ. Недовольный дѣтьми, онъ, умирая, все оставшееся послѣ него имущество и деньги завѣщалъ своей сожительницѣ, экономкѣ Настѣ.

Фигура грознаго адмирала въ изображеніи автора является цѣльной, правдивой, живой и типичной. Она является воображенію какъ строго художественное изваяніе, какъ памятникъ, олицетворяющій собою идею, настроенія, вѣрованія и убѣжденія стараго, отошедшаго въ вѣчность періода русской жизни. Это прототипъ стараго морскаго не волка, а льва, со всѣми его достоинствами и недостатками: съ твердостью принциповъ, съ непреклонностью воли, съ честнымъ исполненіемъ признаннаго долга, но и съ самовластіемъ, съ деспотизмомъ, съ жестокостью, сухостью сердца, поблажкой личному эгоизму, крайнею вѣрою въ полезность и святость формы и внѣшняго порядка и непризнаніемъ какой либо свободы мысли и человѣческой личности.

Если бы литературная творческая дѣятельность Станюковича ограничилась только созданіемъ этого одного типа, то и въ такомъ случаѣ онъ заслуживалъ бы благодарность за этотъ серьезный и цѣнный вкладъ въ русскую беллетристику, но онъ въ своихъ морскихъ разсказахъ вывелъ цѣлую галлерею типовъ современнаго русскаго военнаго флота, отъ послѣдняго воришки и пропойцы матроса до адмирала включительно. Морскіе разсказы автора — это живая панорама, въ которой вы видите всю жизнь, всѣ подробности быта, всю душу, все міросозерцаніе русскаго моряка на разныхъ степеняхъ служебнаго положенія и нравственнаго развитія.

Вотъ предъ вами *Мрачный штурманъ*, угрюмый, нелюдимый, замкнутый, чуждающійся каютъ-кампаніи, весь ушедшій въ свое спеціальное дѣло, отъ котораго зависитъ часто участь всего корабля и экипажа, непонятый, неоцѣненный офицерами, предметъ ихъ насмѣшекъ втихомолку и въ тоже время человѣкъ съ сильною душою, съ сердцемъ способнымъ къ самой нѣжной самоотверженной любви. Онъ оставилъ на берегу молодую жену, на которой, кромѣ службы, и сосредоточены всѣ его помыслы; онъ безконечно любитъ и вѣритъ въ нее, но по возвращеніи, послѣ трехлѣтней разлуки на берегъ застаетъ жену беременною. Послѣ жестокой внутренней борьбы, онъ не только прощаетъ ее, но любитъ и ласкаетъ — родившагося ребенка, какъ собственнаго. Въ то время, къ которому относится разсказъ, штурманы на военныхъ судахъ назначались изъ особаго спеціальнаго училища, составляли какъ бы особую касту, и офицеры флота свысока смотрѣли на нихъ. Неоцѣненный и непонятый на службѣ въ морѣ, мрачный штурманъ остался такимъ же для флотскихъ и на берегу: «онъ не навидитъ ихъ еще болѣе и отзывается о нихъ съ какою-то ожесточенною ненавистью, а за глаза, въ обществѣ моряковъ, глумятся надъ нимъ.

— Жена-то ему чужаго ребенка преподнесла, а онъ преспокойно это скушалъ... Даже не вызвалъ на дуэль Скрыпина и не прогналъ жены. Впрочемъ чего же и ждать отъ штурмана! — брезгливо прибавляли многіе (флотскіе офицеры).

Вотъ *Василій Ивановичъ*, старшій офицеръ, хозяйскій глазъ клипера и главный жрецъ порядка, низенькій, гладкій, круглый, какъ кубышка, пожилой лейтенантъ, щеголевато одѣтый во все бѣлое, съ безукоризненно чистыми воротничками. Какой это милый образъ добраго, скромнаго, незлобиваго, преданнаго службѣ, миролюбиваго и готоваго на помощь и на всякую услугу моряка, и въ тоже время способнаго и простить, и забыть всякую обиду. Какъ онъ забавенъ въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ на капацкомъ берегу, какъ трогателенъ въ своихъ отношеніяхъ къ офицерству и морякамъ и какъ грустно-жалокъ, когда мало оцѣ-

ненный на службѣ, встрѣчается на берегу старымъ посѣдѣлымъ совѣтникомъ адмиралтейства, сухопутнымъ морякомъ «швейцарскимъ адмираломъ», какъ самъ себя называетъ, въ потертомъ пальто, въ старенькой фуражкѣ, женатый на вдовѣ своего бывшаго товарища. Онъ съ любовью и безъ зависти разсказываетъ о повышеніи опередившихъ его младшихъ по службѣ товарищей, которыхъ считалъ достойными того людьми и насупился только при воспоминаніи объ одномъ офицерѣ, котораго онъ облагодѣтельствовалъ и который оказался нетолько неблагодарнымъ, но, сдѣлавшись важной персоной по службѣ, при встрѣчѣ даже не узнаетъ его.

Въ противоположность этому милому чисто русскому образу вы съ болѣзненнымъ чувствомъ негодованія и отвращенія будете знакомиться въ разсказѣ «*Куцый*», съ личностью другого старшаго офицера изъ нѣмцевъ, тоже хорошаго и по своему честнаго служаки, но безсердечно-черстваго, жестоко-холоднаго формалиста, барона фонъ деръ Беринга, прозваннаго матросами «Чертовой зудой», который возбудилъ противъ себя общую ненависть всего экипажа и чуть не вызвалъ бунтъ на суднѣ своимъ непониманіемъ души и сердца русскаго человѣка-матроса, способнаго перенести всякія несправедливости, всякія жестокости, но не обиду и притѣсненія того, кого онъ любитъ, кого онъ считаетъ своимъ вѣрнымъ и ни въ чемъ неповиннымъ другомъ, хотя бы это былъ куцый песъ.

Въ замѣнъ его вы отдыхаете на свѣтломъ образѣ *Безпокойнаго адмирала*. Это уже человѣкъ новой формаціи, воспитанный на новыхъ идеяхъ гуманности и уваженія къ человѣческой личности. Онъ до фанатизма преданъ службѣ, строгъ, взыскателенъ, по нервности своей способенъ доходить до крайняго раздраженія, до бѣшенства, и въ этомъ состояніи быть и не справедливымъ, и грубымъ, и даже оскорбить и унизить человѣческое достоинство въ подчиненныхъ, но въ тоже время сознаетъ обязанность не только овладѣть собою и укротить себя, но и признаться въ своей ошибкѣ, просить извиненія за нанесенное въ пылу гнѣва оскорб-

леніе или несправедливость. Онъ проситъ прощенія у молодого мичмана, котораго на шканцахъ обозвалъ «щенкомъ» и который отвѣтилъ ему словами: «а вы... вы... бѣшеная собака»!.. за что его могли разжаловать въ матросы.

И юные не оперившіеся гардемарины, и молодые мичмана, и опытные послужившіе уже лейтенанты проходятъ передъ читателями въ этой выводимой авторомъ галлереѣ моряковъ и для всѣхъ у автора находятся на палитрѣ живыя краски; но съ особою любовью и искусствомъ онъ описываетъ простыхъ матросовъ въ цѣломъ рядѣ своихъ разсказовъ. Онъ знаетъ матроса, онъ подробно изучилъ его, вошелъ въ его душу, сердце, его міросозерцаніе и мышленіе, изучилъ его языкъ. И какую нравственную красоту, какія возвышенныя черты чисто русской души и русскаго сердца открываетъ онъ въ этомъ грубомъ, корявомъ, неуклюжемъ, часто забитомъ и обезличенномъ человѣкѣ. Авторъ заставляетъ читателя понять и полюбить своихъ героевъ, не смотря на всю ихъ грубую внѣшность и неразвитость.

Вотъ разгульный и безшабашный запѣвало Шутиковъ, предлагающій свои деньги воришкѣ и паріи среди матросовъ, Прошкѣ, чтобы спасти его отъ преслѣдованія всей команды и этотъ парія Прошка, бросающійся въ море, чтобы спасти упавшаго за бортъ Шутикова. *(Человѣкъ за бортомъ).*

Чисто русское добродушіе проявляется въ матросахъ, кормящихъ и одѣвающихъ негра, попавшаго на корабль и тронувшаго ихъ своимъ печальнымъ видомъ. *(Вдали отъ берега).*

Черномазый малайскій мальчикъ найденъ на берегу, взятъ на клиперъ, и матросы ухаживаютъ за нимъ какъ за роднымъ ребенкомъ, а матросъ Ефремовъ водится съ нимъ, какъ нянька: «положилъ на свою койку и почти не спалъ до утра, поминутно подходя къ нему и заглядывая хорошо ли онъ спитъ». *(Рождественская ночь).*

И еще болѣе трогательная картина. На клиперъ попалъ негритенокъ, снятый въ морѣ съ мачты разбитаго бурею судна. Матросъ Лучкинъ, пьяница и забулдыга, принявъ въ немъ особое

участіе, одѣлъ его въ собственную рубаху и штаны и кормилъ его съ собственной ложки, пока негритенокъ не привыкъ къ бѣлымъ и не рѣшился ѣсть вмѣстѣ съ матросами, чего онъ не смѣлъ дѣлать, бывши на американскомъ суднѣ. Русскіе матросы ласкали и привѣчали его по своему, кто какъ умѣлъ, но съ полнымъ добродушіемъ. «Какое оно ни на есть: хрещеное, али арабское, а все дитё», говорили русскіе матросы. *(Максимка).*

Матросъ Иванъ Рябой, неисправимый пьяница и околотень кидается спасать еврея, матроса Исайку, бросившагося въ море изъ страха предстоящаго наказанія линьками. Онъ спасаетъ его потому, что еврейчикъ разъ далъ ему денегъ на покупку пропитой Рябымъ на берегу казенной одежды. Рябой спасалъ еврея, а матросы въ это время крестились. *(Исайка).*

Вотъ трогательный образъ грубаго матроса Макарова, влюбленнаго въ жену и по ея настоянію ушедшаго въ кругосвѣтное плаваніе, чтобы скопить денегъ, и рядомъ съ нимъ ловелась Егорка, находившійся въ связи съ его женой. *(Ночью).*

Превосходно написанъ разсказъ стараго моряка Тарасыча о томъ, какъ онъ безкорыстно и платонически любилъ и былъ любимъ замужней женщиной какой то загадочной натурой: «умственная... съ большимъ понятіемъ до книжекъ охотница... однимъ житейскимъ брезговала... Любила все умственное... насчетъ души значитъ и насчетъ всего такого прочаго, вотъ вашескобродіе». И кончила тѣмъ, что ушла отъ мужа по святымъ мѣстамъ, сдѣлалась странницею. *(Глупая причина).*

И много, много еще выводитъ авторъ другихъ типовъ и дѣлаетъ характеристикъ простыхъ матросовъ, всесторонне обрисовывая ихъ.

Но Станюковичъ нетолько художникъ жанристъ: у него есть превосходныя описанія шторма, штиля, тропической ночи, Рождественской ночи и Свѣтлаго праздника въ морѣ. Эти описанія иногда служатъ только фономъ картины, но чаще составляютъ самостоятельное художественное произведеніе.

Нельзя не замѣтить, что иногда, особенно въ описаніяхъ,

авторъ повторяется, употребляя одни и тѣже эпитеты и выраженія, замѣтно и однообразіе въ приступахъ къ разсказу, такъ наприм. многіе разсказы начинаются словами: «въ этотъ день» и безпрестанно повторяются слова: умопомрачающая чистота судовъ» и т. п. Встрѣчается и неправильность въ выраженіяхъ, какъ напр. «разставилъ *ноги* фертомъ», что и физически невозможно и т. п. Но это замѣчается только при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи разсказовъ и есть не болѣе какъ недосмотръ, который легко можетъ быть исправленъ и устраненъ, и только нѣсколько мѣшаетъ, но не нарушаетъ общаго художественнаго впечатлѣнія.

Можно указать также на растянутость нѣкоторыхъ разсказовъ, на недостатокъ въ нихъ компактности и сжатости, на обильное уснащеніе ихъ эпизодическими вставками, отвлекающими читателя отъ основной идеи, или отъ главнаго сюжета; но эти недостатки покрываются прекраснымъ изложеніемъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ; разговорный же языкъ матросовъ живой, неподдѣльный, своеобразный и характерный, безъ произвольныхъ авторскихъ прикрасъ и искаженій, составляетъ особое достоинство всѣхъ разсказовъ Станюковича.

Въ общемъ, по нашему мнѣнію, представленные на соисканіе Пушкинской преміи морскіе разсказы Станюковича, не смотря на свою, такъ сказать, спеціальность по взятой области наблюденія, имѣютъ большое общественное значеніе, представляютъ большую художественную литературную цѣнность и вполнѣ заслуживаютъ преміи во имя Пушкина.

Алексѣй Потѣхинъ.

III.

„Потерянный и возвращенный рай, поэмы Д. Мильтона въ новомъ стихотворномъ переводѣ **О. Н. Чюминой** (съ 50-ю большими рисунками художника Г. Доре). Изданіе А. А. Каспари. С.-Петербургъ 1899.

Это изданіе, выпущенное въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Родина», открывается довольно широковѣщательнымъ предисловіемъ «Отъ издателя», гдѣ онъ, послѣ очень высокой оцѣнки перевода, пріобщаетъ себя къ славѣ переводчицы, называя трудъ и свой и ея «грандіознымъ». Похвальба издателя едва-ли вполнѣ основательна, такъ какъ иллюстраціи далеко не вездѣ удовлетворительны (смотри напр. изображеніе Адама и Евы послѣ стр. 132) и по мѣсту такъ отстаютъ отъ текста, что относящіяся къ «Потерянному раю» находятся между страницами «Возвращеннаго», безо всякаго предувѣдомленія, гдѣ-бы слѣдовало, что къ такимъ-то словамъ поэта есть картинка, вслѣдствіе чего читатель не можетъ пользоваться текстомъ и его живописными поясненіями одновременно.

Что до труда переводчицы, то онъ былъ, если не «грандіозенъ», то и не малъ. Впереди она помѣстила хорошо составленную біографію Мильтона. За нею слѣдуютъ примѣчанія къ «Потерянному раю», объясняющія преимущественно собственныя имена, библейскія и классическія, которыхъ въ поэмѣ много. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій заключаютъ въ себѣ неточности, напр. (кн. I, прим. 12): «Оріонъ у древнихъ считался богомъ

вѣтровъ. По миѳологіи, Оріонъ считался сыномъ Нептуна...» (гдѣ странно противоположеніе «древнихъ» «миѳологіи», да и то, что Оріонъ былъ богомъ вѣтровъ, выведено чуть-ли не изъ текста, гдѣ рѣчь идетъ о буряхъ, поднимающихся въ зависимости отъ положенія этого созвѣздія на небѣ); (тамъ же прим. 29:) «Подъ именемъ пигмеевъ въ народныхъ (чьихъ?) преданіяхъ былъ извѣстенъ народъ крайне малаго роста, который обиталъ въ средней Африкѣ и постоянно велъ борьбу съ журавлями, такими-же маленькими, какъ и сами пигмеи» (по греческому преданію — съ обыкновенными).

Переводила г. Чюмина, хотя и не такъ, какъ заявляетъ издатель въ предисловіи — «не отступая ни на шагъ отъ оригинала», однако въ общемъ все-таки близко и могла-бы передать подлинникъ еще ближе, сохранивъ кое-какія опущенныя ею частности, въ родѣ эпитетовъ и другихъ не особенно существенныхъ словъ (напр. Вальдарно, имя мѣста, гдѣ Галилей производилъ свои астрономическія наблюденія), если-бы она не стѣсняла себя, повидимому, числомъ стиховъ, что̀ совершенно излишне при отсутствіи строфъ и даже риѳмъ. Вѣроятно, опечаткой приходится объяснить слѣдующее отступленіе (кн. I) — о сатанѣ, низверженномъ съ другими падшими ангелами въ адъ:

he with his horrid crew
Lay vanquish'd, rolling in the fiery gulf,
Confounded, though immortal-
А онъ лежалъ съ дружиною своей
Преступною въ пылающей пучинѣ,
Погибшій, побѣжденный, но безстрашный,

гдѣ вмѣсто послѣдняго слова ничего не стоитъ возстановить «безсмертный»; впрочемъ и вмѣсто «преступною» точнѣе былобы «ужасною». Глубже заходитъ другой родъ неточностей — перестановки частей сложнаго предложенія, напр. (тамъ-же, въ словахъ Вельзевула о тѣхъ-же духахъ):

If once they hear that voice, their liveliest pledge
Of hope in fears and dangers, heard so oft

In worse extremes and in the perilous edge
Of battle, when it rag'd, in all assaults
Their surest signal, they will soon resume
New courage and revive; though now they lie
Groveling and prostrate on yon lake of fire,
As we erewhile, astonish'd and amaz'd;
No wonder, fall'n such a pernicious height-
Пускай раздастся голосъ
Могучій твой, будившій въ нихъ надежду,
Въ сраженіи одушевлявшій ихъ,
Когда кругомъ опасность угрожала.
Пускай они услышатъ этотъ голосъ,
Зовущій ихъ на приступъ — и они,
Паденіемъ съ высотъ неизмѣримыхъ
Поражены и ввержены въ огонь,
Вернутся вновь къ сознанью и воспрянутъ
Съ удвоенной отвагой для борьбы,

гдѣ переставлены предложенія «паденіемъ съ высотъ неизмѣримыхъ» и «ввержены въ огонь», которыя кромѣ того соединены, не говоря о неточности соотвѣтствія между «in all assaults their surest signal» и «зовущій ихъ на приступъ». Такъ-же нѣсколько ниже:

The spear, to equal which the tallest pine
Hewn on Norwegian hills, to be the mast
Of some great admiral, were but a wand,
He walk'd with, to support the uneasy steps
Over the burning marbe, not like those steps
On heaven's azure.
По глыбамъ раскаленнымъ Сатана
Шелъ далѣе петвердыми шагами,
И посохомъ копье ему служило.
Предъ тѣмъ копьемъ длиннѣйшая изъ сосенъ
Въ Норвегіи, что срублена на мачту
Громаднѣйшаго въ мірѣ корабля,
Казалась бы тростинкою ничтожной.
Давно-ль стопой воздушною своею
Онъ попиралъ небесную лазурь?

Здѣсь «громаднѣйшій въ мірѣ корабль» явился вмѣсто «какого-нибудь большого адмиральскаго корабля», а перестановки еще

значительнѣе. Правда, и тамъ и здѣсь, какъ и вообще въ такихъ примѣрахъ, рѣчь въ переводѣ выходитъ стройнѣе и яснѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; но не значитъ-ли это поправлять подлинникъ? Впрочемъ смыслъ отъ такихъ измѣненій синтактическаго построенія не страдаетъ. Если въ трудѣ г-жи Чюминой и есть гдѣ нѣкоторыя частныя неточности, онѣ не особенно важны, а тонъ вездѣ переданъ вѣрно, и съ точки зрѣнія общаго впечатлѣнія переводъ О. Н. Чюминой можно признать близкимъ къ подлиннику, чему въ значительной степени содѣйствуетъ форма, т. е. языкъ, правильный и поэтическій, и строй стиха, строго выдержанный и звучный.

На основаніи этихъ данныхъ я предполагалъ-бы возможнымъ удостоить переводъ О. Н. Чюминой Пушкинской преміи въ половинномъ размѣрѣ.

Ѳ. Коршъ.

IV.

И. Стешенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. (Къ столѣтнему юбилею его Энеиды). 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ. 1898 г. Стр. 1 — 232.

Общая мысль первой части труда г. Стешенко, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чемъ. Форма перелицованной малорусской «Энеиды» Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованной русской «Энеиды» Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ «Энеидъ», малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя почти буквально; но такъ-какъ «Энеида» Осипова вышла въ 1791 году, а «Энеида» Котляревскаго ужъ въ 1798-мъ году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумауэра (1784), написанной на языкѣ нѣмецкомъ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумауэромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумауэромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ Котляревскій. Достаточно было-бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія; но г. Стешенко счелъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ

довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыя едва-ли могли кому-нибудь прійти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34 — 37, гдѣ у г. Стешенко приведены параллельныя выписки изъ Энеиды Котляревскаго и Энеиды Осипова и гдѣ въ числѣ параллелей есть, напримѣръ, такія:

Котляревскій.	Осиповъ.
А потім смерть до артикулу	Потомъ имъ смерть косой своею
Ім оддала косою честь,	Отбрякнула посвойски честь,
На перед стоя калавуру,	Ведя толпами за собою
Який у її мосці есть.	Все, что у ней въ командѣ есть.

Предсказанія Сивиллы:

Котляревскій.	Осиповъ.
Борщів як тры не поденькуеш,	Какъ ѣдки трои не посутчишь,
На моторошні засердчить	Такъ на тошнѣ заживотитъ.
І зараз тяглом закишкуеш,	На всемъ нытьѣ ты пожелудчишь
І в буркотї закепьдюшить.	И на ворчалѣ забрюшнитъ.
Коли ж що напхом з' язикаеш	А если позубить жевало,
І в треб добре зживотаеш,	Не засердчитъ ужь тосковало,
То на веселї занутрить.	И все уйдило прочь сгруститъ.

Описаніе благородной женской красоты:

Котляревскій.	Осиповъ.
Таке дївча — кусочок ласий,	На лакомый такой кусочекъ
Заслинишся, як глянеш раз...	И нехотя разинешь ротъ:
Що ваші греческі ковбаси!	Зачешется, небось, усочекъ,
Що ваш первак грушевий квас!	И мигомъ подведетъ животъ....
Завійниця од неї вхопить,	Развѣсишь отъ зѣванья шюпи,
На голову пасяде клопіт,	Покажутся на губѣ слюни,
А може тьохне і не там:	И поневолѣ дрожь пройметъ;
Поставить рогом ясні очі,	Заёкаетъ, какъ отъ испуга,
Що не доспиш Петрівской ночі,	Сердчишко, будто отъ натуга.
Те по собі я знаю сам.	Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Окончивши эту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стешенко говоритъ: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является-ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ — Энеидой *Вергилія?* Но небольшая доля сообразительности (даже очень небольшая! — *А. К.*) и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, что небольшая доля сообразительности избавитъ читателя отъ мысли искать у Вергилія военныхъ артикуловъ смерти, шутовскаго языка Сивиллы и скабрезныхъ описаній дѣвственной красоты, г. Стешенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34 — 37 доказательствамъ, что серіозный характеръ Вергиліевой національной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшливаго отношенія къ національнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилій не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разъясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ оно совершенно напрасно занимаетъ много мѣста въ книгѣ Стешенко, который, занявшись сличеніемъ чисто внѣшней стороны разныхъ Энеидъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ *внутренняго* родства или неродства, т. е. выясненіе самостоятельности Котляревскаго. Правда, г. Стешенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энеида Котляревскаго, не смотря на свою подражательность русской Энеидѣ Осипова, есть произведеніе вполнѣ самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, котораго нѣтъ у Осипова. Но *въ чемъ же*, собственно, виденъ не-талантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревскаго? Отъ литературнаго изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревскій и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на *этотъ* вопросъ. Въ трудѣ П. И. Житецкаго «Энеида Котляревскаго» (вышедшемъ уже послѣ появленія въ свѣтъ книги г. Стешенка) показано факти-

чески, осязательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревскій влагалъ и юморъ и талантъ въ передѣлку бездарнаго сочиненія Осипова. У г. Стешенко этотъ, самый существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ тоже время изслѣдователь — какъ видимъ — считалъ нужнымъ удѣлять время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать у Вергилія Сивиллу-шутовку.

Совершенно иначе написано г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816 года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обозрѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83 — 151 его книги, т. е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и мало доступныхъ, — напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ воззрѣній, г. Стешенко старается подвести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго и эстетическія достоинства его произведеній: «Перелицьованої Энеїди», «Оди до князя Куракина», «Наталки-Полтавки», «Москаля-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151 — 200) — самая

слабая часть въ изслѣдованіи г. Стешенка. Требуется, напримѣръ, прежде всего рѣшить вопросъ, была ли пародированная «Энеида» Котляревскаго, панегирическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойнымъ національнымъ проявленіемъ малорусскаго духа, или же, какъ утверждаетъ Кулишъ, это была антинаціональная балаганщина, предназначенная для потѣхи обрусѣлыхъ пановъ насчетъ простого народа и крайне обидная для малорусскаго національнаго самосознанія. Единственнымъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ фактически, а не апріорно, было-бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведенное П. И. Житецкимъ) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало-бы, что перелицованная Энеида является, больше всего, прямымъ продолженіемъ литературы «дяків-пиворізів», а драматическія произведенія Котляревскаго въ частности — преемственнымъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что однимъ словомъ — по выраженію Житецкаго — «корни Энеиды лежатъ въ ея прошломъ». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самый вопросъ, патріотомъ ли былъ Котляревскій или не патріотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдованій сознаетъ самъ г. Стешенко, и въ заключительномъ отдѣлѣ своей книги онъ настойчиво утверждаетъ, что сочиненія Котляревскаго — преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, но *какъ* и *въ чемъ* видна эта преемственность — этотъ вопросъ г. Стешенкомъ не выясненъ; научныхъ изслѣдованій и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стешенко не предпринимаетъ, и такимъ образомъ для доказательства національной серіозности перелицованной Энеиды у него остаются преимущественно апріорныя соображенія о малорусскомъ патріотизмѣ Котляревскаго, которыя, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ стр. 152 — 154: «У Осипова, автора русской пере-

лицованной Энеиды, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное *потѣшить публику* *) насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-національныя одежды. Чему же приписать появленіе національной **) формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Далѣе г. Стешенко сообщаетъ, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка дѣйствительно была національная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она *поэтому* должна была быть и у творца потѣшной «Энеиды»; а все предыдущее апріорное разсужденіе г. Стешенка прямо таки несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Кулишу, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинаціональное желаніе поиздѣваться надъ простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примѣненіе Котляревскимъ малорусскаго языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхотворныхъ, перенесеніе боговъ и героевъ въ малорусскія хаты и вложеніе въ ихъ уста мужицкаго языка малорусскаго въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать *сугубый* смѣхъ, служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ нарочитаго презрѣнія къ этому языку. Только историческое изученіе малорусской литературы XVIII в. можетъ снять съ Котляревскаго укоры въ его антинародности, но, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешенко почти и нѣтъ.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилась у г. Стешенка иногда даже въ области чисто-литературнаго пониманія произведеній Котляревскаго. Такъ, по поводу пѣсни Возпаго: «От юних лїт» г. Стешенко за-

*) Подчеркиваніе — мое.

**) Т. е. малорусской.

мѣчаетъ, что она написана по-русски (ст. 188). Но г. Стешенко не высказалъ-бы такого мнѣнія, если-бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Возпаго: «Всякому городу свой правъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стешенко несомнѣнно знаетъ) — сочиненіе-не Котляревскаго, а народнаго украинскаго философа — Сковороды. Рѣчь ея — книжное семинарско-малорусское язычіе; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любови» (читается «От юных лит нэ знал я любовы») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же язычіи, характерномъ для круга почитателей Сковороды. — Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешенка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезмѣрной диѳирамбичностью. — «Энеида Котляревскаго», говоритъ онъ, «напоминаетъ намъ болѣе всего» «Мертвыя души» Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи, — только наша поэма далеко шире русской и по замыслу и *по исполненію*» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусскія «Мертвыя души» должны быть дѣйствительной эпопеей именно *украинской* націи, отмѣтимъ только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, подчеркнутыхъ у насъ. «Мертвыя Души» Гоголя можно перечитывать каждый годъ, — и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвыя души», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не дочитаешь ея до конца; между тѣмъ для чтенія Энеиды Котляревскаго во второй разъ, а особенно — для чтенія подъ рядъ — требуется извѣстная доза храбрости: первыя пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше — тѣмъ больше интересъ ослабѣваетъ, однообразіе начинаетъ пріѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь спеціальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной

Энеиды — менѣе талантлива, чѣмъ первая *), а Данилевскій въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энеидѣ заключается порядочная частица снотворности и воды» **). А ужъ если сопоставлять у автора «Перелицьованої Енеїды» и автора «Мертвыхъ душъ» силу ихъ юмора, то не лишне напомнить тоже извѣстныя г. Стешенку слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣннаго малорусса-патріота: «Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя». — Пусть даже согласимся мы считать всякія такія мнѣнія субъективными, — г. Стешенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, по все-таки еще значительное преувеличеніе является у г. Стешенка въ его стараніяхъ доказать художественность посредственнаго водевиля: «Москаль-Чарівник». Кулишъ (нашедшій въ этомъ пунктѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершенно справедливо и притомъ доказательно, въ томъ числѣ путемъ сопоставленій съ «Простакомъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положеній въ названномъ водевилѣ Котляревскаго. Г. Стешенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому отрицанію воззрѣній Кулиша: по заявленіямъ г. Стешенка, типы водевиля «Москаль-Чарівник» жизненны и естественны. Правда, «*нѣкоторую* неестественность» признаетъ за ними въ концѣ концевъ и самъ г. Стешенко (ст. 198), но это ему не мѣшаетъ остаться при убѣжденіи, что «Москаль-Чарівник» есть произведеніе художественное. Все это кажется преувеличеннымъ особенно потому, что и стилизовано данное мѣсто (стр. 189 — 198) не совсѣмъ удачно.

*) Новь, 1884, № 4.

**) Въ своемъ сборникѣ: Украинская старина, 1866, стр. 198.

Изъ дальнѣйшей, заключительной главы изслѣдованія г. Стешенка (стр. 202) вполнѣ ясно видно, что г. Стешенко имѣетъ въ виду художественность только относительную, — литературныя достоинства въ «Москалѣ-Чарівникѣ» онъ усматриваетъ едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто малорусскій водевиль; появись «Москаль-Чарівник» *теперь*, въ эпоху полнаго разцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стешенка, очевидно, счелъ бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ сожалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зрѣнія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (ст. 201 — 232) г. Стешенко отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ создалась поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное вліяніе и значеніе въ новой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронуто пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ концевъ для уясненія исторіи малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стешенка имѣетъ несомнѣнную важность.

Полной Пушкинской преміи книга г. Стешенко, конечно, не заслуживаетъ. Но въ виду того, что г. Стешенкомъ затрачено на нее большое количество и труда и времени и что библіографическій обзоръ литературы о Котляревскомъ всегда останется положительной заслугой этой книги, не найдетъ ли Отдѣленіе возможнымъ наградить г. Стешенка, для поощренія, *половинной* преміей?

А. Крымскій.

V.

Отзвуки души. Стихотворенія К. Льдова.

Я давно знакомъ съ стихотвореніями г. К. Льдова; но только теперь, прочитавъ его сборникъ: «Отзвуки души», получилъ возможность дать себѣ опредѣлительный отчетъ о его поэтическомъ дарованіи. Изъ послѣсловія къ этому сборнику видно, что «Отзвукамъ души» предшествовалъ другой сборникъ, котораго я, кажется, въ рукахъ не имѣлъ.

Г. Льдовъ весьма скромнаго мнѣнія о своемъ талантѣ, и въ свой новый сборникъ не помѣстилъ, какъ видно изъ послѣсловія, тѣхъ изъ стихотвореній перваго сборника, которыя показались ему слабыми. Г. Льдовъ — поэтъ серьезный и искренній. Муза его вдохновляется природой, любовью, религіознымъ чувствомъ, смысломъ жизни и тайнами смерти. Тонъ его пѣсенъ, по преимуществу, вдумчиво-грустный и иногда суровый. Въ нихъ нѣтъ веселости и жизнерадостности, но онѣ и не носятъ на себѣ печати пессимизма, гнѣва или отчаянія. Въ его стихотвореніяхъ слышится снисходительность, но не индиферентность. Въ нихъ нѣтъ юмору, но нѣтъ и сухости. Во всякомъ случаѣ, при характерѣ серьезности, о которомъ я упомянулъ, онѣ далеко не скучны. Скучными бываютъ произведенія, въ которыхъ авторъ въ педантичной формѣ выражаетъ самолюбованіе. Такихъ произведеній не долюбливалъ и Буало, сказавшій:

Tous les genres sont bons, hors genre ennuyeux. Именно этого самолюбованія я не нахожу и слѣдовъ у г. Льдова. Слогъ его также совсѣмъ не педантиченъ; но во многихъ случаяхъ онъ, однако, недостаточно простъ и свободенъ. Въ своемъ послѣсловіи г. Льдовъ говоритъ, что ему приписывали въ печати преднамѣренное тяготѣніе къ «символической школѣ» и даже къ декаденству; но это мнѣніе онъ называетъ ошибочнымъ и выражаетъ убѣжденіе, что въ русской поэзіи не можетъ быть рѣчи ни о какой иной школѣ, кромѣ Пушкинской. Это совершенно вѣрно, такъ же какъ и то его же мнѣніе, что «въ мірѣ русскаго поэтическаго слова какъ бы возникла новая стихія». Повтореніе Пушкина по содержанію и его формѣ для современнаго поэта конечно не обязательно; а если онъ самобытенъ, то и невозможно. Въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ формѣ г. Льдова, въ которой я призналъ недостатокъ простоты, я вовсе не желаю и не имѣю права требовать отъ него простоты Пушкинской; но мнѣ кажется, что его стихъ часто, не скажу вычуренъ, но слишкомъ изысканъ. Стихи г. Льдова мнѣ представляются въ видѣ ткани нѣсколько обремененной причудливыми узорами. Изысканность формы и обиліе украшеній иногда затемняютъ сущность мысли и чувствъ поэта. Для объясненія моего мнѣнія я приведу нѣкоторые примѣры изъ сборника г. Льдова.

Стихотвореніе: «И мнѣ безуміе дано» красивое и звучное, мнѣ непонятно:

И мнѣ безуміе дано
За этимъ явственнымъ предѣломъ;
И я взростилъ его зерно
Въ моемъ умѣ осиротѣломъ!
На небо-ль хмурое смотрю, —
Я прозрѣваю блескъ заемный,
Восторговъ дѣвственныхъ зарю
Въ степи ласкательной и темной...

Я не могу понять какія именно утраты понесъ *осиротѣлый* умъ, взростившій въ себѣ зерно безумія. Не понимаю также *восторговъ дѣвственной зари въ степи ласкательной и темной.*

Въ стихотвореніи: «Мятежный хмѣль разлитъ въ природѣ» мнѣ неясно значеніе послѣдняго стиха во второй строфѣ:

Не о земномъ ей громъ грохочетъ
И не о дольнемъ вихрь поетъ;
Она повѣрить имъ не хочетъ
И о грѣховномъ вопіетъ.

Стихотвореніе: «Въ этотъ храмъ закрыта дверь» красиво и звучно, но опять для меня не ясно.

Ограничиваюсь здѣсь этими примѣрами; но я отмѣтилъ въ книжкѣ г. Льдова еще нѣсколько мѣстъ или смутныхъ, или совсѣмъ не ясныхъ. Конечно эти неясности — не декадентскія; т. е. онѣ не принадлежатъ къ такимъ выраженіямъ, которыя не только сознательно не ясны, но даже какъ бы похваляются своею загадочной запутанностью; тѣмъ не менѣе и у г. Льдова ясность не играетъ такой же роли элемента обязательнаго въ выраженіи мысли, какъ напримѣръ обязательно въ фактурѣ стиха присутствіе размѣра. Очень можетъ быть, что усиліе мысли съ моей стороны мнѣ и помогло бы выяснить себѣ то, что̀ хотѣлъ выразить поэтъ; но мнѣ кажется, что именно поэтъ и не долженъ требовать отъ читателя труда и усилій, чтобы быть по̀нятымъ.

Мнѣ попадались также въ стихахъ г. Льдова красивые на видъ, но не вѣрные эпитеты. Напримѣръ въ стихотвореніи: «Знойный лучъ скользнулъ сквозь сѣтку» поэтъ говоритъ далѣе:

И прильнулъ къ щекѣ твоей.
Я смотрю и негодую,
И ревную сгоряча
Къ золотому поцѣлую
Утомленнаго луча.

Почему утомленнаго? Знойный лучъ томитъ; но онъ самъ еще не утомленъ, пока продолжаетъ быть знойнымъ. Въ другомъ стихотвореніи: «Потускнѣли огни» тотъ же эпитетъ употребленъ болѣе кстати.

Разметалъ свой костеръ
Умирающій день

И простеръ
На шатеръ
Утомленную тѣнь.

Кромѣ того я сожалѣю, что въ первое граціозное стихотвореніе вкрался неловкій стихъ: и ревную *сюряча;* особенно неловкій рядомъ съ описаніемъ жаркой погоды.

Мнѣ также представляется невѣрнымъ въ стихотвореніи: «Въ твоихъ устахъ цвѣтетъ веселье» прилагательное, которымъ опредѣляется красота женской шеи:

Изъ брилліантовъ ожерелье
На шеѣ бархатной твоей.

Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь. Это—дѣло вкуса. Я сравнилъ бы кожу женской шеи съ атласомъ; и вспоминаю при этомъ, что мой пріятель Козьма Прутковъ восклицалъ: шея — мрамора кусокъ!

Еще упомяну объ одномъ невѣрномъ, по моему мнѣнію, выраженіи, о которомъ я въ особенности сожалѣю потому, что оно находится въ очень пріятномъ стихотвореніи: «Тучекъ дымныхъ кочевья». Представленъ зимній пейзажъ.

Лѣсъ колдуетъ; сѣтью снѣжной
Разстилаются деревья.

Слово *разстилаются*, болѣе подходящее къ предметамъ лежащимъ, чѣмъ къ стоящимъ, мѣшаетъ читателю прочесть безъ запинки это коротенькое стихотвореніе. Мои послѣднія замѣтки могутъ быть отнесены вѣрнѣе къ придиркамъ.

Я уже въ началѣ этой статьи старался представить общую характеристику поэтическаго дарованія г. Льдова; и теперь мнѣ остается прибавить, что въ его сборникѣ много стихотвореній очень хорошихъ. Укажу на тѣ, которыя особенно мнѣ пришлись по̀ сердцу: Расцвѣли опять сирени; Не океанъ шумитъ волнами; Въ глубокихъ взорахъ тонутъ взоры; Въ осенній вечеръ дышетъ лѣсъ; Экклезіастъ и другіе. Одни изъ нихъ свѣжи и поэтичны; другія — глубоки по замыслу. Г. К. Льдовъ пишетъ во-

обще сжато. Онъ не любитъ многословія, и это, по мнѣ, одно изъ самыхъ цѣнныхъ свойствъ въ поэтѣ. Г. Льдовъ относится къ себѣ строго, что̀ ручается за дальнѣйшее развитіе его симпатичнаго дарованія. Я читалъ его сборникъ съ большимъ интересомъ и съ чувствомъ уваженія къ личности автора, какъ она выразилась въ его стихотвореніяхъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

VI.

Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ **Н. Гальковскаго.** Сумы. 1897, больш. 8°, XVI + 247.

Это — перѣводъ на русскій языкъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ большею частью изъ собранія Вука Стеф. Караджича II кн. (изд. Вѣна 1875 г.), а частью изъ пѣсенъ, записанныхъ Гильфердингомъ, всего 59 пѣсенъ или 10611 стиховъ, какъ сосчиталъ самъ авторъ, что составитъ половину II кн. собр. Вука С. Караджича и гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ переведено въ сборникѣ Гербеля «Поэзія Славянъ» (Спб. 1871). Онъ ихъ распредѣлилъ по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Пѣсни миоическія (12), II — Косовскія (13), III — о Маркѣ Королевичѣ (28) и IV — позднѣйшія (6), въ числѣ которыхъ три, относящіяся къ Россіи. Переводу предпосланъ историческій очеркъ Сербіи отъ поселенія сербовъ на Балканскомъ — полуостровѣ и до окончательнаго паденія Сербскаго Царства; а на послѣдующій затѣмъ періодъ авторъ также бросаетъ взглядъ, чтобы дать понятіе о положеніи сербскаго народа и въ то время, когда на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ водворилось господство турокъ. Очеркъ составленъ хорошо, и главнымъ образомъ авторъ останавливается на моментахъ и характерахъ, которые дали содержаніе пѣснямъ, какъ: Косовская битва съ княземъ Лазаремъ и обстоятельствами, подготовившими его пораженіе; боярская

розпь, взаимное недоброжелательство и интриги между великашами и недальновидность ихъ въ политикѣ; Марко Кралевичъ, народный герой, но тоже плохой политикъ и т. д. Конечно, г. Гальковскій держится стараго взгляда на сербскую исторію и Косовскую катастрофу объясняетъ въ духѣ народнаго преданія, игнорируя новѣйшія изслѣдованія, по которымъ Вукъ Бранковичъ не считается измѣнникомъ и катастрофа объясняется другими причинами; Милоша Обилича вмѣстѣ съ Югъ-Богданомъ онъ считаетъ единственными личностями, которыя «имѣли понятіе о важности и послѣдствіяхъ переживаемаго историческаго момента» (стр. XIV). Въ связи съ этимъ, само собою разумѣется, и князь Лазарь является у него личностью болѣе пѣсенною, чѣмъ историческою. По словамъ автора, Лазарь, не отличаясь ни особеннымъ умомъ, ни политическими способностями, ни даже твердою волей, «былъ мужественъ, честенъ, добръ; не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ» и т. д. (стр. VIII). Напротивъ, его умѣнье держаться при тогдашнемъ смутномъ положеніи дѣлъ и среди всеобщей интриги показываетъ въ немъ больше ума, чѣмъ честности и доброты. Когда юный Урошъ, послѣдній изъ Неманичей, зная лукавство Вукашина, обращался къ Лазарю, Лазарь его отдалилъ отъ себя и заставилъ предаться Вукашину, который его и убилъ. А по смерти Вукашина онъ очень ловко устранилъ отъ престола сына его Марка. Несовсѣмъ честно поступилъ онъ и съ Николаемъ Алтомановичемъ.

Есть у г. Гальковскаго и прямыя погрѣшности противъ исторіи. Такъ онъ полагаетъ, что «жители, бѣжавшіе отъ турецкаго ига изъ юго-западной части Сербіи въ горы, положили начало Черногорскому княжеству», и относитъ это какъ будто къ эпохѣ, послѣ выселенія патріарха Арсенія Черноевича съ 37.000 сербовъ въ Австрію въ 1690 г. (стр. XI). Изъ чего можно заключать, что ему не извѣстно ничего о Черногоріи, какъ составной части Зеты, которая еще при Неманичахъ имѣла своихъ отдѣльныхъ государей.

Въ сынѣ Лазаря деспотѣ Стефанѣ онъ видитъ только чело-

вѣка, который «старался уладить династическіе безпорядки отомановъ и принималъ участіе въ войнахъ турокъ, въ качествѣ ихъ союзника» (стр. XIV); а ничего не говоритъ о его высокихъ замыслахъ, о трагизмѣ его положенія и о заботахъ его о просвѣщеніи.

Иногда авторъ противорѣчитъ самъ себѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ прекрасно охарактеризовалъ гайдучество, сказавъ, что оно «было носителемъ надеждъ на воскресеніе свободы и старой славы сербскаго народа и кромѣ того выработало систему военнаго національнаго ополченія» (стр. XI); а въ другомъ читаемъ у него же совсѣмъ другое: «Изъ гайдуцкихъ пѣсенъ мы узнаемъ о подвигахъ и продѣлкахъ (?) гайдуковъ, но ихъ дѣятельность не имѣетъ общественнаго значенія, потому что каждый гайдукъ руководится не общественными, а своими личными цѣлями» (стр. XV). Да и нѣтъ у него пѣсенъ о гайдукахъ, кромѣ одной о Старинѣ Новакѣ и князѣ Богосавѣ.

Дѣлая замѣчанія на историческій очеркъ г. Гальковскаго и смотря на него только какъ на статью, служащую для пониманія содержанія переведенныхъ имъ пѣсенъ, мы считаемъ его вполнѣ удовлетворительнымъ.

Въ заключеніе авторъ даетъ объясненіе, что означаютъ встрѣчающіяся въ сербскихъ пѣсняхъ выраженія *славить славу*, *братимиться*, *сестриться*, *кумовать*.

Обращаемся теперь къ выбору пѣсенъ. Имѣя въ виду пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи въ русской литературѣ, авторъ прежде всего сообразовался съ тѣмъ, что есть въ русской литературѣ и чего нѣтъ. Поэтому онъ не переводилъ пѣсни, имѣющіяся въ сборникѣ Гербеля, какъ: Построеніе Скадра, Бановичъ Страхиня, Юришичъ Янко и еще около десятка; а около десятка повторяетъ, считая ихъ, можетъ быть, недовольно точно переведенными; и намъ это даетъ возможность сдѣлать сравненіе переводовъ.

Можно было-бы замѣтить, что г. Гальковскій, исчерпавши всѣ пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ, мало мѣста оставилъ для другихъ

личностей, въ которыхъ дорисовываются другія стороны народной жизни; но можно надѣяться, что авторъ не остановится на изданномъ теперь, тѣмъ болѣе, что онъ не коснулся еще III кн. собранія пѣсенъ Вука С. Караджича; а есть и другія изданія. Желательно-бы было, конечно, имѣть въ русскомъ переводѣ и сербскія пѣсни, такъ называемыя женскія и обрядовыя, между которыми есть прелестныя, приводившія въ восторгъ корифея нѣмецкихъ поэтовъ Гёте; но для этого требуется другой талантъ, которымъ г. Гальковскій, можетъ быть, не обладаетъ, чувствуя своимъ призваніемъ передачу только эпическихъ темъ и мотивовъ.

Прежде чѣмъ говорить о переводахъ г. Гальковскаго, скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ тѣхъ-же эпическихъ пѣсенъ, сдѣланныхъ другими до него.

Почти все это мы находимъ въ сборникѣ, изд. подъ редак. Н. В. Гербеля «Поэзія Славянъ» (1871 г.). Въ немъ находится 24 эпическихъ пѣсни. По времени первымъ переводчикомъ является Пушкинъ, и въ числѣ переведенныхъ имъ пѣсня «Сестра и братья» дословно вѣрна оригиналу, не только передавая со всею точностью смыслъ, но простоту и наивность, которою дышетъ сербская народная пѣсня. Затѣмъ мы встрѣчаемъ имена: Н. Щербины, П. Кирѣевкаго, Н. Берга, А. Майкова и О. Миллера. Изъ нихъ А. Майковъ переводитъ свободно, т. е. не держась близко оригинала, передѣлывая много по своему и прежде всего заботясь, чтобы вышло хорошо порусски. Въ томъ-же родѣ и переводъ Н. Щербины. Наибольшею точностью отличаются переводы П. Кирѣевскаго и О. Миллера; они, можно сказать, вполнѣ выдержаны. Прекрасны и также точны переводы Н. Берга; но въ нихъ нѣтъ да и не можетъ быть той выдержанности, такъ какъ онъ перевелъ въ пять разъ больше, чѣмъ всѣ тѣ вмѣстѣ. Тѣ съ двумя-тремя пѣснями, выбранными по вкусу и по средствамъ, легче могли справиться, чѣмъ онъ, переводя такую большую пѣсню какъ о Страхинѣ Банѣ или Бановичѣ, въ 810 стиховъ; нужно было одолѣть и онъ одолѣлъ: перевелъ прекрасно.

Бергъ больше всѣхъ сдѣлалъ; поэтому на немъ и остановимся.

Вполнѣ владѣя русскимъ языкомъ и стихомъ, переводчикъ всю работу положилъ на то, чтобы сохранить смыслъ каждой рѣчи оригинала и по возможности передать его духъ. Видно, что переводчикъ хорошо знаетъ сербскій языкъ и проникся духомъ сербской поэзіи; поэтому у него есть мѣста, буквально передающія смыслъ и тонъ оригинала, при чемъ вполнѣ выдерживается характеръ и русскаго языка и стиха. Нѣкоторыя бытовыя слова, какъ: планина, топузъ, долама, челенка и т. п., онъ оставляетъ безъ перевода, а только въ сноскахъ даетъ ихъ толкованіе. И это совершенно основательно; потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ словъ, которыя-бы имъ соотвѣтствовали.

Есть, конечно, мелкія ошибки и невольныя отступленія, которыя однако не искажаютъ смысла и не портятъ впечатлѣнія; но есть и такія, которыя даютъ другой смыслъ, при чемъ ничего не выигрываетъ и русскій стихъ.

Такъ, въ пѣснѣ «Бановић Страхиња» слово:

Паде на ум на се досјетно
За његова хрта Карамана (кн. II, № 44, ст. 294—95),

онъ переводитъ:

И взбрело Страхинничу на мысли,
Что съ собой въ дорогу пса онъ не взялъ,
Своего лихого Карамана.

Взбрело на умъ—означаетъ что-то безумное, ненормальное, шальное; тогда какъ *паде на ум* просто значитъ: вспомнилъ; и дальше онъ-же употребляетъ это выраженье:

Вспомнилъ онъ лихого Карамана.

И еще одно мѣсто:

Но бијаше то девет шурњаја (снохи, жены, Юговичей),
Но шурњаје дворе упоредо,
Дворе *свекра* Луг-Богдана,
И двораху своје господаре (мужьевъ, Юговичей),
А највише зета поносита. (Бановича Страхиню (ст. 50—54).

переводитъ:

Больше всѣхъ Юговичи служили,
Другъ за другомъ угощая *батьку*,
Стараго сѣдого Югъ-Богдана и т. д.

Онъ былъ угощавшимъ его снохамъ свекоръ, а не отецъ; и батька — слово малороссійское.

«Проћ' се тасте, стари Југ-Богдане!» (ст. 175)—выраженье простое, въ родѣ: «Богъ съ тобою» и т. д., Бергъ перевелъ:

«*Ну те къ Богу*, старый, не пугайся», — употребивъ выраженье грубое; при томъ пугаться тутъ было и нечего.

Окрикъ «бре!», выражающій презрѣніе, онъ переводитъ словомъ *брешешь*: вопервыхъ оно не отвѣчаетъ смыслу, а вовторыхъ слово малороссійское.

Встрѣчаетъ Страхиня на пути какого-то дервиша, который

«Пије вино турчин кондијером (сосудъ около полу-ведра),
Но сам лије, но сам чашу пије». (ст. 338—39),

а въ переводѣ выходитъ, что онъ не пьетъ вино, а выливаетъ:

И вина не въ мѣру наливаетъ —
Въ чашу льетъ онъ, а *вино-то на полъ*.

Есть добавленья, совершенно неумѣстныя: стихъ «Потегоше перне буздоване» (ст. 628) онъ передаетъ:

Какъ не стало копьевъ, ухватили
Палицы они и шестоперы —

Когда-же сербы бились палицами?.. Иногда простое, но сильное и образное выраженье ослабляется ненужными распространеніями.

Такъ у Страхини была знаменитая сабля, которую ковали два кузнеца съ тремя помощниками, не переставая отъ воскресенья до воскресенья,

«Од челика сабљу претопили,
«У острицу сабљу угодили» (ст. 650 — 54).

А переведено:

Выковали саблю изъ булата,
Рукоять изъ серебра и злата,
На великомъ брусѣ, на точилѣ,
Страхинь-бану саблю паточили».

Не знаю, почему переводчикъ, не довольствуясь преувеличеньемъ, естественнымъ въ поэзіи, увеличиваетъ еще больше и считаетъ у Влахъ-Аліи два раза по 200.000, тогда какъ въ оригиналѣ только по 100.000 (ст. 113 — 124).

Мѣстами видно, что переводчикъ не понималъ слова: *ћемер* ћуприја (мостъ сводомъ, аркой) перев. «Мостъ *желѣзный*» (въ то-то время!); при томъ принимаетъ это слово за собственное имя. Точно такъ изъ — «цара тирјанина,

Тирјанскога цара Сулејмана» (Јуришић Јанко, ст. 8-я) сдѣлалъ: «У Тирьанскаго царя, у Сулеймана» и дальше тоже. И наоборотъ изъ географическаго названія «малена Баньска» (мѣстечко и монастырь на рѣкѣ, впадающей въ Ибръ, названіемъ указывающей, что тамъ были купальни) сдѣлалъ «маленькое банство» (Бановичъ Страхиня). Уклоняясь отъ оригинала и дѣлая своевольныя прибавленья, а не зная хорошо народнаго быта, переводчикъ дѣлаетъ курьозную ошибку.

Пѣсня «Како се крсно име служи» (№ 20) начинается такъ:

«Свеца слави, Српски цар Степане,
Свеца слави, света Аравђела»

Бергу показалось этого мало и онъ переводитъ:

«Царь Стефанъ великій праздникъ славитъ,
Празднуетъ Архангела Стефана».

У сербовъ говорятъ «архангеловъ день» (8 ноября арханг. Михаила), не упоминая, какого архангела; и всѣ Неманичи праздновали именно этотъ день; Стефана-же архангела вовсе не существуетъ.

Указывая эти ошибки въ переводахъ Берга, мы остаемся при мнѣніи, что они всетаки сдѣланы прекрасно, и ошибки эти

считаемъ неизбѣжными, а почему, объ томъ будемъ говорить послѣ; теперь-же перейдемъ къ переводамъ г. Гальковскаго.

Примѣнимъ и къ нему ту-же мѣрку, т. е. признавъ въ общемъ переводы хорошо сдѣланными и, что въ массѣ ошибки неизбѣжны, остановимся на этихъ ошибкахъ и постараемся найти имъ объясненіе.

Возьмемъ пѣсню «Марко Кралевичъ и Мина изъ Костура (стр. 146 — 54; у В. С. К. II, № 62), которая находится и въ переводѣ Берга (78 — 82), такъ что можно будетъ сдѣлать сравненіе. У г. Гальковскаго она начинается такъ:

«Марко сѣлъ за ужинъ съ Евросимой»—а кто эта Евросима? Читатель, для котораго и назначаются эти переводы, не можетъ знать, кто такая была Евросима. Да и къ чему употреблять это имя, когда въ оригиналѣ стоитъ:

«Сједе Марко с мајком вечерати»?

Бергъ тоже перевелъ:

«Сѣлъ за ужинъ Королевичъ Марко
Со своею матерью родимой».

И по всей этой пѣснѣ всюду стоитъ «мать», а г. Гальковскій всюду выставляетъ собственное имя.

Мать совѣтуетъ Марку пойти по требованью султана въ войско, хотя-бы пришлось отказаться отъ свадьбы и крестинъ, куда его приглашаютъ, потому что, какъ стоитъ въ оригиналѣ:

Богъ проститъ намъ, сынокъ;
А турки не поймутъ насъ

или не захотятъ понять, т. е. принять во вниманіе нашихъ обстоятельствъ.

У Берга: «Богъ проститъ, а турокъ не умолишь». Г. Гальковскій же пропускаетъ второй стихъ, безъ котораго первый является неполнымъ.

Когда Марко былъ раненъ, султанъ, отправляя его на излѣченье,

«За њим посла двије вјерне слуге,
Да гледају, да не умре Марко».

А Гальковскій перевелъ:

Двухъ рабовъ еще онъ посылаетъ,
Чтобъ слѣдили — живъ ли храбрый Марко.

У Берга ближе къ оригиналу:

Вѣрныхъ слугъ дастъ еще онъ Марку,
Какъ-бы онъ не умеръ у султана.

Въ описаніи разгрома Маркова дома Миной изъ Костура говорится:

«Стара мајка с коњма прегажена
И вјерна му љуба заробљена»

Гальковскій перевелъ:

Мать его раздавлена копями,
А жена въ рабыни взята Миной.

Но мать осталась жива, хотя копи и топтали её ногами; а жена взята въ плѣнъ, и Мина хочетъ на ней жениться, а не держать рабыней; *зароботи* — значитъ плѣнить.

Такъ понялъ и Бергъ:

Что потоптана (а не растоптана) копями матерь,
Что похищена подруга-люба.

Во время войны съ арапами,

«Марко сјече Арапске јунаке,
На све главе пред цара износи,
А цар Марку бакшише поклања»

У Гальковскаго:

Марко рубитъ головы араповъ
И къ султану на бакшишъ приноситъ.

Иное дѣло—самъ султанъ даетъ ему подарки за арапскія головы, а иное — если Марко приноситъ эти головы ради подарковъ. И бакшишъ — значитъ прежде всего подарокъ, большой или малый,

а послѣ—«на водку» или «на чай», какъ толкуетъ Гальковскій. Такъ и у Берга:

День и ночь сѣчетъ араповъ Марко
И султану ихъ башки приноситъ,
А султанъ даритъ за это Марка.

Есть мѣста, которыя Гальковскимъ поняты лучше, чѣмъ Бергомъ.

Такъ Марко проситъ султана отпустить его домой, чтобы отпраздновать Юрьевъ день, своего святого (слава или крсно име). Гальковскій это переводитъ такъ:

Буду завтра праздновать я славу,
Красно имя, свѣтлый день Егорьевъ.

А у Берга:

Завтра день великаго святого,
Юрьевъ день, святой для насъ и *красный*,
И мои опричь того крестины.

Въ сербскомъ-же оригиналѣ:

Мене јесте сјутра крсно име,
Крсно име, лијеп данак Ђурђев;
Већ пусти ме, царе поочиме,
Да прославим моје крсно име.

Бергъ очевидно смѣшиваетъ *славу* съ крещеньемъ; а онъ и Гальковскій вмѣстѣ *крсно име* (крестное) смѣшиваютъ съ краснымъ т. е. прекраснымъ. Смѣшенье и непониманье этого слова часто встрѣчается у того и у другого (у Гальковскаго на стр. 71, 148, 191, 192). Слово го́ра оба они постоянно переводятъ *гора*, тогда какъ въ сербскомъ языкѣ оно, хотя и употребляется въ нашемъ смыслѣ, но очень рѣдко; а обыкновенно въ смыслѣ *лѣсъ* и постоянно съ прибавкою *зеленый*. Они, не догадываясь объ этомъ, прибѣгаютъ къ натяжкамъ.

Такъ, въ пѣснѣ «Смерть Марка Королевича» (В. С. К. № 74, Гальковскій стр. 204—28, Бергъ стр. 82—83) вила

говоритъ Марку, чтобы онъ, когда будетъ наверху *планины*, посмотрѣлъ справа налѣво:

«Опазићеш двије тапке јеле,
Сву су гору врхом надвисиле,
Зеленијем листом зачиниле», что

значитъ: Увидишь двѣ тонкія ели, которыя своими вершинами превысили весь лѣсъ, украсили (его) своею зеленью. А Гальковскій переводитъ:

И увидишь тонкія двѣ ели:
Поразрослись сучьями своими
Всей горы они вершину кроютъ.

У Берга тоже:

Широко тѣ ели разрослися
И собой прикрыли всю планину.

Тамъ говорится о высотѣ ихъ, а не о ширинѣ; да и не въ состояніи двѣ, да еще тонкія, ели прикрыть высокую гору, особенно сучьями, а не вѣтвями.

Эта ошибка красною нитью проходитъ по всѣмъ переводамъ, какъ Гальковскаго, такъ и Берга.

Выраженье: «Марко тражи, ђе је *боље* вино» т. е. гдѣ вино лучше; они оба переводятъ «гдѣ *больше*».

Не могутъ они опредѣлить масть Маркова коня *Шарца*. Гальковскій однако правильнѣе называетъ его *пестрымъ*, а Бергъ — *сѣрой масти*. Въ сущности-же это — пѣгій, который и у насъ считается особенно сильнымъ и доброѣзжимъ. Въ одной пѣснѣ (В. С. К. № 42) говорится:

«Коњ му није какви но су коњи,
Већ шарен, као и говече» (ст. 129 — 130).

Ходжи и хаджіи — Бергъ оставляетъ безъ перевода или соединяетъ ихъ въ названьи — «ходжи перехожіе» (стр. 77). Гальковскій же первое слово не переводитъ и даетъ правильное объясненіе, что оно означаетъ магометанскихъ священниковъ

муллъ; а второе переводитъ словомъ *прохожіе* или *странники*. Собственно-же это — люди, совершившіе паломничество магометане въ Мекку и Медину, а христіане въ Іерусалимъ. И тогда къ имени магометанина или христіанина присоединяется въ родѣ добавочнаго прозвища — *хаджи*: Хаджи-Муратъ, Хаджи-Ристичъ, Хаджи-Савва Косановичъ, бывшій сараевскій митрополитъ.

Недоумѣваютъ они, что за орудіе *кривые косіеры*, которыми вмѣстѣ съ мотыгами Марко снабжаетъ свою дружину вмѣсто оружія, чтобы её приняли за партію рабочихъ. Бергъ переводитъ *кривыя косы*; а Гальковскій *кривые ножи*, объясняя притомъ, что они употребляются для ухода за виноградомъ. Въ дѣйствительности-же *косіеръ*—кривой ножъ на длинной рукояткѣ, и главное его назначенье срубать кустарникъ, который всегда бываетъ колючій, а при длинной рукояткѣ колючки руки не достаютъ; имъ же рубятъ тонкія вѣтки съ дерева, которыя потомъ складываютъ въ стожки (лист, лишњак), а зимой этими вѣтвями кормятъ козъ; отъ нужды обрѣзываютъ имъ и виноградную лозу; но для этого есть особый ножъ. Мотыги-же именно служатъ для окапыванья виноградной лозы; а косіеры упоминаются, какъ вообще земледѣльческое орудіе.

Въ сербскихъ пѣсняхъ часто случается, что дѣйствіе въ сущности относится къ одному предмету, а по формѣ будто къ двумъ, напр.

Да не падне дажда из облака,
Нити ноћу сјајна мјесечина (да не падне?),
Да не роди вино, ни шеница,
Ни за цркву часна летурђија (да не роди?).

Упустивъ это изъ виду, Гальковскій доходитъ до абсурда.

Въ пѣснѣ «Марко пашетъ землю» (стр. 193; у В. С. К. Орање Марка Краљевића № 73), разсердившись на турокъ-янычаръ,

«Диже Марко рало и волове,
Те он поби турке јањичаре».

А Гальковскій постарался держаться, какъ можно, ближе оригинала и перевелъ:

«Онъ схватилъ воловъ и плугъ *и ими*
Положилъ всѣхъ турокъ здѣсь на мѣстѣ».

По указаннымъ выше примѣрамъ дѣйствіе глагола *диже* распространяется только на рало, а волы упоминаются вслѣдствіе того, что они были при ралѣ; поэтому и не говорится, чѣмъ и какъ Марко побилъ турокъ; а конечно могъ только раломъ, выпрягши изъ него и бросивши воловъ или бросивши то и другое; а Гальковскій произвольно прибавилъ *ими*.

Также произвольно въ той-же пѣснѣ переводитъ онъ *четованье* двумя словами «поѣздки и походы»; *три товара блага* переводитъ — три воза денегъ; тогда какъ *товар* — вьюкъ, въ которомъ считается 100 окъ, а въ дѣйствительности *товарятъ* (вьючатъ) на лошадь меньше, около 80 окъ. Да и дороги тамъ только вьючныя, а не возомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ переводитъ *три кармана* (стр. 199). «Три *купе* дуката»—три *кучи* дукатовъ (у Берга — купы). Въ пѣснѣ «Браћа и сестра» (В. С. К. № 9; у Гальковскаго, стр. 14 — 17) Богъ посылаетъ двоихъ ангеловъ, чтобы они воскресили младшаго изъ братьевъ сестры, выданной замужъ и напрасно ожидающей ихъ посѣщенья, и чтобы онъ пошелъ къ ней, и приказываетъ Богъ ангеламъ:

«Вашиjем га духом заданите (т. е. оживите),
Од гроба му коња начините (на которомъ бы онъ поѣхалъ)
Од земљице мијесте колаче (хлѣбъ на дорогу),
Од покрова режите дарове (платки или полотенца),
Спремите га сестри у походе».

Гальковскій это переводитъ такъ:

«Въ мертвый трупъ вдохните жизнь, изъ досокъ
Гробовыхъ коня ему создайте,
Изъ земли колчанъ и быстры стрѣлы» и т. д.

Симеонъ Найденышъ (В. С. К. № 14, Г. стр. 28), прося игумена

пустить его въ свѣтъ, чтобы отыскать своихъ родителей, заключаетъ, что онъ долженъ узнать, какого онъ рода,

«Јал'ћу скочит у тихо Дунаво» т. е. безъ того онъ утопится; а у Гальковскаго: «Погулять хочу я у Дуная». Въ уста Милицы, жены князя Лазаря, переводчикъ влагаетъ такой ему упрекъ (Построеніе Раваницы):

Сколько было Неманичей славныхъ,
Всѣ они покоятся въ гробницахъ.....
Но они не тратили богатства
На пиры, да какъ на что придется:
Задужбины строили владыки,
Устрояли церкви въ славу Божью....

(перечисленье всѣхъ задушбинъ)

На пиры свои ты тратишь деньги» и т. д.

А въ оригиналѣ читаемъ (В. С. К. № 198; Гальковскаго стр. 49 — 51):

Што бијаху Немањићи стари,
Цароваше па и преминуше,
Не трпаше на гомиле благо,
Но градише сњиме задужбине...
.....
Ти остаде у столу њиноме
И потрпа на гомиле благо»

Совершенно обратное: онъ копилъ кучи денегъ и дѣйствительно не строилъ задужбинъ; но никакъ не тратилъ ихъ на пиры и разныя бездѣлицы. Это поклепъ переводчика, который, очевидно, смѣшалъ два совершенно различныя по значенію слова *трпати и трошити*, а остальное подогналъ къ глаголу. Все равно какъ онъ не понимаетъ значенія словъ: бисер (жемчугъ), олово (свинецъ), книга (письмо), послабити (расхвораться), срдобоља (болѣзнь, кровавый поносъ), вењер или фењер (фонарь) переводитъ— можевельникъ (стр. 80) и др.

Есть одно мѣсто въ цитированной нами выше пѣснѣ «Марко

Краль и Мина од Костура», которое и Гальковскимъ, и Бергомъ переведено одинаково въ смыслѣ противуположномъ.

Когда султанъ даетъ Марку домъ и всякое богатство, то Марко представляетъ, что объ немъ тогда будутъ говорить его противники:

«Где курвића Краљевића Марка!
Они су му двори изгорели,
А ови му *пусти останули!*
Ово му је благо одпешено,
А ово му *остануло пусто!*» (ст. 222 — 31).

Бергъ переводитъ это:

«Коли тѣ дворы его сгорѣли,
Пустъ ему на этихъ *будетъ пусто*».
Тамъ его расхищено богатство,
Такъ и здѣсь ему *пустъ будетъ пусто.*

И у Гальковскаго:

«У него одни дворы сгорѣли,
Пусть-же эти *остаются пусты.*
У него разграблено богатство, —
Пусть же это *въ прокъ ему не будетъ*».

Слово *пусти*, кромѣ значенья *пустой*, незанятый никѣмъ и ничѣмъ, значитъ еще нѣчто великое, необыкновенное, выходящее изъ ряда вонъ: «*пусто благо* попијесмо тада!» — хвалится одинъ т. е. великое богатство; «*пусти јунак* бјеше Божо Перутин!» т. е. храбрости его не было мѣры; «брза му је *пуста бедевија*»; «да се *пусту Богу* намолимо!» т. е. великому Богу. Въ этомъ смыслѣ сказано и здѣсь: тѣ дома сгорѣли, а у него теперь еще лучше; то богатство у него унесли, а теперь посмотри какое большое!

Переводя, самое лучшее, конечно, ничего не передѣлывать и не прибавлять отъ себя; а Гальковскій противъ этого часто грѣшитъ и тѣмъ отнимаетъ настоящій смыслъ и характеръ оригинала. Отчасти мы это уже видѣли; сдѣлаемъ еще два — три замѣчанія.

Лазарь Гребляновичъ въ пѣснѣ обыкновенно называется — *князь* и *царь*. Въ этихъ случаяхъ г. Гальковскій вм. князь ставитъ царь (В. С. К. № 35. Г. стр. 49) или же придаетъ ему еще титулъ владыки: Лазарю владыкѣ (стр. 51); Лазарь царь, глава-владыка сербовъ (стр. 55; у Вука № 50, I: Српском кнез-Лазару, од Србије главо); теремъ Лазара владыки (стр. 66; вм. господара, славног княз Лазаря); и еще тоже (стр. 78) вм. кнез Лаза; и Стефанъ, владыка сербовъ (стр. 45) вм. царь; собрался сербскіе владыки (стр. 201) вм. српске војеводе; въ одномъ мѣстѣ жена мужа своего называетъ владыкой (стр. 6 и 72) вм. господиномъ. Слово это не отвѣчаетъ оригиналу, а не употребляется также въ томъ смыслѣ и въ русскомъ языкѣ. Некстати также онъ употребляетъ слово старуха вм. мать: у старухи сердце было твердо (стр. 74) вм. мајка тврда срца била, и далѣе въ той-же пѣснѣ и въ другихъ (стр. 14, 146, 200 и др.).

Намъ непонятно, почему переводчикъ такъ настойчиво употребляетъ это слово, замѣняя имъ находящееся въ оригиналѣ мать, котораго онъ и долженъ держаться. Мать для серба, въ особенности для черногорца, составляетъ нѣчто священное; поэтому онъ такъ любитъ это имя и постоянно употребляетъ его въ поэзіи; а нѣтъ причины избѣгать его и русскому переводчику. Гдѣ нужно, сербъ тоже употребляетъ имя старикъ или старуха, напр. стара мајка, стари Богдане, старац о деведесет година и т. п. Часто человѣкъ еще непожилой говоритъ о такой-же или еще моложе его женѣ: «моја стара, ја са старом или ми два стари»; но другой этого не скажетъ ни ему, ни ей, хотя-бы они и были стариками; и только самый близкій человѣкъ можетъ спросить: «Ђе је твоја стара или баба». Этого требуетъ своего рода этикетъ, который до крайности доводится у магометанъ г. Подгорицы. Тамъ и совсѣмъ къ старухѣ относятся со словами: «Како си, невјесто?», что означаетъ вообще женщину, но отнюдь не старую. А она въ свою очередъ въ отвѣтъ въ видѣ комплимента назоветъ его «момче», хотя-бы онъ и былъ въ годахъ; въ

противномъ-же случаѣ она отвѣтитъ: «Како си и ти, ђедо!» Поэтому въ пѣснѣ и не употребляется безъ надобности имя старухи и охотнѣе ставится имя матери. Это, конечно, мелочь, но мы остановились на ней, чтобы показать, какъ въ народной пѣснѣ все установлено твердо, основано на своихъ причинахъ и потому не можетъ быть измѣняемо или замѣняемо другимъ, и измѣненье это можетъ явиться несообразностью. Такъ, г. Гальковскій копью, которое въ оригиналѣ называется боевымъ (убојито), даетъ эпитетъ стальное (стр. 57, 203), а потомъ говоритъ что копья разбиты въ щепки (стр. 67); въ оригиналѣ стоитъ: «Разбѣжались по полю деліи (турки), какъ воробьи отъ копчика по кустарнику (подразумѣвая — разлетаются)»; а у г. Гальковскаго: «Какъ бѣгутъ отъ копчика вороны» (стр. 186); мать «бросила ребенка на пыльную дорогу» (стр. 1) вм. «ударила объ каменную скалу» (шњом удари о камену станцу), т. е. убила объ камень.

О. Миллеръ отлично переводилъ и очень точно, потому что хорошо зналъ оба языка, сербскій и русскій; но въ одномъ мѣстѣ онъ позволилъ себѣ сдѣлать небольшую прибавку, и изъ того вышла несообразность. Въ концѣ пѣсни «Марко-Королевичъ пашетъ» онъ къ слову плугъ (вѣриће — соха) прибавляетъ *отцовскій*. Но это можно бы сказать, еслибъ отецъ его самъ пахалъ, какъ говорится о саблѣ, которою онъ дѣйствовалъ; а отецъ его былъ изстари *великашъ*, а потомъ царь, слѣдовательно не пахалъ. И къ чему прибавлять?... Можемъ увѣрить, что всякая прибавка, которую позволяетъ себѣ переводчикъ, обременяетъ пѣсню излишествомъ и ослабляетъ впечатлѣніе; и наоборотъ, пропуски оставляютъ недосказанность и неясность.

Прекрасна пѣсня «Сабля царя Вукашина» (сборникъ стр. 75—76; у Вука—Марко Краљевић познаје очину сабљу № 57) въ переводѣ А. Майкова: онъ внесъ въ неё много картиннаго, но измѣнилъ и наполовину пропустилъ разговоръ между турчанкой и утопавшимъ, а также сцены между Маркомъ Королевичемъ и Мустафъ-агой, и послѣ между имъ-же и султаномъ,

и тѣмъ далъ всему другой оттѣнокъ; а въ общемъ отнялъ у пѣсни ея спокойный эпическій тонъ. У Гальковскаго-же эта-же пѣсня представляетъ одинъ изъ лучшихъ переводовъ (стр. 132—36). При передачѣ собственныхъ именъ переводчикъ держится оригинала, что иногда и лучше, напр. Едрене вм. длиннаго Адріанополь; онъ даже удержалъ названье «Пачаршія» (Паћаршија), которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло отъ «патріаршія», хотя мѣстные жители изъ Печи и Призрена не произносятъ иначе, какъ «пачаршија»; васеленскій патріархъ вм. вселенскій. Но тамъ-же онъ ошибочно передаетъ Юрьево Ступово вм. Юрьевы — столпы, Сапочина вм. Сопоћани, Коронавацъ вм. Карановацъ, задужбина Яна вм. церковь Яня. Но есть и не ошибки, которыя всегда возможны, а произвольныя измѣненія: Ваистинъ вм. Ваистина (слуга Стефана Мусича), Янкъ (стр. 203) вм. Янко, Прилепъ вм. Прилипъ; или же неправильно измѣняетъ во флексіи: арапины,-ов; Сибиняпъ вм. Сибинянинъ; Гойкой вм. съ Гойкомъ; óковъ (мѣра стр. 192) вм. окъ; въ имени Милицы постоянно неправильно переноситъ ударенье на предпослѣдній слогъ. Странно также чтенье: *Тяковица* (Ћаковица), *Тюро* (Ћуро) и *Темо* (Ћемо).

Само собою разумѣется, что замѣчанья наши далеко не исчерпываютъ всего переведеннаго г. Гальковскимъ; но для насъ этого достаточно, чтобы, указавъ ошибки, можно было уяснить, откуда онѣ происходятъ.

Во многихъ случаяхъ, конечно, видно неполное знакомство переводчика съ сербскимъ языкомъ, прямо непониманье нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Видно, что переводчикъ не вошелъ въ духъ языка и сербской народной поэзіи. Затѣмъ у всѣхъ переводчиковъ мы замѣчаемъ слишкомъ малое знакомство съ бытомъ народа: съ его образомъ жизни и внутренними отношеніями; съ его жилищемъ и всею обстановкой, съ одеждой,

пищей, оружіемъ и употребляемыми народомъ орудіями и т. д. Мы видѣли уже, къ какимъ несообразностямъ приводитъ это незнаніе народной жизни. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ и разберемъ ихъ подробнѣе.

Въ пѣснѣ «Змија младожења» (В. С. К. № 12, въ перев. «Змѣй женихъ» стр. 23—28) есть мѣсто, которое г. Гальковскій переводитъ, очевидно, не давая себѣ яснаго отчета въ описываемой имъ обстановкѣ.

Когда свадебный пиръ окончился,

«Сваки оде ка својему двору,
Змија оста у своме дувару,
Краљ остаде на своме дивану».

Гальковскій это перевелъ:

«Ѣдутъ гости ко дворамъ, остался
Змѣй, какъ прежде, подъ своей стѣною,
А король сталъ управлять народомъ».

Когда мы читаемъ оригиналъ, намъ все такъ ясно и просто: гости отправились по домамъ, змѣя влѣзла въ стѣну, внутрь ея, такъ какъ дома сербскіе кладутся изъ дикаго, нетесаннаго камня и внутри всегда образуются пустоты, въ которыя обычно и забираются змѣи и ящерицы; а король остался въ своей комнатѣ, гдѣ онъ принималъ гостей. Какой-же смыслъ имѣетъ прибавка, что «король сталъ управлять народомъ»? Какъ будто въ продолженіе свадьбы его управленіе прекращалось, а съ окончаніемъ пира началось опять. Этого пѣсня не имѣла и не могла имѣть въ виду; а переводчикъ недоумѣваетъ передъ словомъ *диванъ*. Слово это турецкое и, что оно значитъ по турецки, мы не знаемъ; но у сербовъ оно означаетъ помѣщенье, въ которомъ происходятъ совѣщанья или пріемы гостей у султана и высшихъ сановниковъ; оттуда пойти на *диванъ* на совѣщанье, и *диванити* — говорить. Въ Новобазарскомъ санджакѣ, а также въ Васоевичахъ въ Черногоріи галлерейку при домѣ, на которой лѣтомъ проводятъ время сами хозяева и принимаютъ гостей,

называется *диванана*, тоже, вѣроятно, потому что проводятъ тамъ время въ разговорѣ.

Въ данной пѣснѣ мы не видимъ описанія какой-нибудь особенной обстановки, какъ у будимскаго краля, такъ и у призрѣнскаго царя; они изображаются, какъ простые люди; поэтому и диванъ здѣсь нужно разумѣть просто, какъ пріемную комнату.

Точно такъ всѣ переводчики недоумѣваютъ передъ словомъ *кула*, которое турецкаго происхожденія; а у сербовъ означаетъ просто каменный домъ, поднятый непремѣнно на одинъ этажъ (на под), а самое большое бываетъ въ два этажа. Самый-же низъ — нежилое помѣщенье, и служитъ для скота и храненія различныхъ хозяйственныхъ орудій и принадлежностей; иногда онъ служитъ подваломъ для бочекъ съ виномъ; эта нижняя часть дома называется — *изба*, *подрум*, *коноба*. Такимъ именно каменнымъ въ два или три этажа домомъ, по представленію народной пѣсни, была и кула будимскаго краля, и невѣсту повели не въ какую-либо особую башню, а въ томъ-же домѣ, въ самый верхній этажъ, чтобы испытать, долѣзетъ-ли туда змѣя. Смотря по высотѣ и по наружному виду, такой кулѣ даются эпитеты: *бијела*, *висока*, *танка*, *бојанли* (въ нѣсколько этажей), *двор* (господская?) и др.

Кулой-же называется и военное укрѣпленіе, служащее для охраны границы или дороги, въ которомъ помѣщается только военная стража, и она поэтому называется *стражарица*, *пандурица*, *паланка*. Къ этимъ постройкамъ можно, пожалуй, примѣнить названье башни, и еще болѣе, если такія кулы возвышаются надъ стѣною укрѣпленія. Онѣ служатъ для той-же цѣли, т. е. для стражи или тюрьмою. Мы уже говорили, какъ г. Гальковскій слово *четованье* переводитъ двумя словами — «поѣздки и походы»; а О. Миллеръ въ той-же пѣснѣ переводитъ его — «богатырство». Но между богатыремъ и четникомъ большая разница: первый всегда обладаетъ необыкновенною, нечеловѣческою силой и идетъ на единоборство, иногда же на цѣлое полчище; тогда какъ у четника его физическая сила вовсе не вы-

ставляется; онъ отличается храбростью и военнымъ искусствомъ и всегда идетъ съ четой, а если бываетъ ея главой, то называется четобашой. Тоже самое, хотя не совсѣмъ, гайдукъ и гайдучество, какъ у грековъ клефтъ; близки къ тому наши южнорусскіе гайдамаки. Но подъ этими названіями мы находимъ такіе различные и своеобразные типы, что ихъ никакъ нельзя замѣнять одного другимъ. Все равно какъ слово *юнакъ* нельзя переводить герой или молодецъ; *вилу*—русалкой, ножъ или *ятаганъ*, тоже и *ханджар*, переводитъ кинжаломъ, *челенку* — султаномъ, *дива* — лѣшимъ (Гальковскій не могъ однако не прибавить — *лѣсной дивъ*) и т. п. Такія слова, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ оставлять безъ перевода, давши однако имъ толкованіе, сколько возможно, точное и ясное; а тогда-то и требуется хорошее знаніе народнаго быта, чего именно и не достаетъ нашимъ переводчикамъ, какъ мы уже видѣли то выше.

Не можемъ не вспомнить и переводъ сербскихъ пѣсенъ на малороссій языкъ, сдѣланный въ 1876 г. М. Старицкимъ*), и не сдѣлать сравненія его съ русскими переводами.

Прежде всего г. Старицкій въ предисловіи высказываетъ такой взглядъ на сербскую поэзію. «Украинцы — говоритъ онъ — по своему кровному родству, по своему прошлому, по типу, по многимъ бытовымъ чертамъ, по языку и наконецъ по симпатіямъ чрезвычайно близки къ придунайскимъ Славянамъ; это сходство отразилось и въ народной поэзіи». (I — II).

---

*) Сербські народні думи і пісні.—Переложив М. Старицький. Київъ. 1876. мал. 8°, III+420. Всего 53 эпическихъ пѣсни. Чистая выручка предназначалась въ пользу Славянъ (это было при началѣ сербско-турецкой войны), а самое сочиненіе посвящено М. П. Драгоманову. Предисловіе написано по-русски. Авторъ предполагалъ издать еще 2 бытовыя и женскія пѣсни и 3 обрядовыя и историческій очеркъ придунайскихъ славянъ; но по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ вышла только первая часть.

А далѣе объясняется, какъ онъ переводилъ: «При переводѣ думъ я старался фотографически передать мысль подлинника, слѣдя за нимъ стихъ за стихомъ, слово за словомъ; старался удержать тотъ-же самый размѣръ бѣлаго сербскаго стиха и употреблять въ переводѣ исключительно народную рѣчь, чтобы сохранить эпическій букетъ подлинника».

Что касается словъ г. Старицкаго относительно перевода, то — насколько позволяетъ намъ знаніе сербскаго и малороссійскаго языковъ — мы сказали-бы, что взглядъ его вѣренъ и онъ также вѣрно выполняетъ поставленную имъ задачу.

Это можно видѣть изъ нѣсколькихъ сопоставленій перевода съ оригиналомъ; но насъ въ то-же время интересуетъ и сличеніе съ русскими переводами, для чего и постараемся въ нѣсколькихъ примѣрахъ сдѣлать это тройственное сопоставленіе. Мы уже цитировали одно мѣсто изъ пѣсни «Построеніе Раваницы» въ переводѣ г. Гальковскаго вмѣстѣ съ оригиналомъ (стр. 24); вотъ какъ это самое переведено у г. Старицкаго:

Закладини Раваниці (стр. 127—32).
Що були тутъ Неманичи древні,
Й царювали аж поки їх стало,
Одже скарбу не збірали в купу,
А чинили задушинці з єго.

Ти-ж сидиш на іхнёму престолі
І збираеш тильки скарб до-купи,
А не тратиш єго в славу Божу.

Хорошо у г. Гальковскаго переведена пѣсня «Марко и дочь Арапскаго короля»; вотъ ея начало:

Говорила мать старуха Марку:
«Что съ тобою, дорогой мой Марко!
Что такъ много задумчивъ ты строишь?
Или Богу согрѣшилъ ты тяжко?
Иль добро тебѣ досталось даромъ»?

Отвѣчаетъ Ефросимѣ Марко:
«Мать моя, скажу тебѣ всю правду.
Мнѣ случилось быть въ землѣ арапской,
И пошелъ я утромъ на колодецъ,
Чтобъ водою напоить Шарина.
Подхожу съ конемъ я къ водоему,
А ужъ тамъ двѣнадцать арапиновъ» (стр. 155 — 56).

Смыслъ переданъ вѣрно: но отъ оригинала есть отступленье, а въ то-же время есть нѣкоторое насиліе и русскому языку: пошелъ *на* колодецъ (вм. къ колодцу), водоемъ, арап*иновъ*.

Между тѣмъ малороссійскій переводъ держится буквально оригинала:

«Пита мати в королепка Марка:
Мій ти спнку, короленку Марку!
Чого ставиш задушпи́ць ти стільки?
Чи ти тяжко завинився Богу,
Чи здобув де собі лехко грошей»?
Одріка ій із Прилипа Марко:
«Ой на Бога, матінко старенька!
Раз я був якось в землі Арапській,
І пішов раненько до криниці,
Щоб коня там напоіти Шарця;
Як прійшов ото я до криниці,
Аж стоїть двападцать там арапїв». (стр. 377).

А вотъ и оригиналъ:

Пита мајка Краљевића Марка:
«Ја мој синко, Краљевићу Марко!
Што ти градиш многе задужбине?
Ил'си тешко Богу згријешио,
Ал'си лудо благо задобио»?
Вели њојзи од Прилипа Марко:
«Ој Бога ми, моја стара мајко!
Једном бијах у земли Арапској,
Па ураних на воду чатрњу,
Да напојим мојега Шарина;
Кад ја дођох на воду чатрњу,
Ал' на води дванаест Арапа». (№ 64).

Въ той-же пѣснѣ Марко зарубаетъ
Саблею арапку:
«То се мене мучно учинило,
Ја потегох сабљу оковану,
Ударих је по свилену пасу,
Кроз њу сабља, мати, пролећела».

Старицкій переводитъ:

«Так мене те уразило тяжко,
Що я витяг свою шаблю гостру
Й ії вдарив по шовковім пасу, —
Аж кроз єго пролетила шабля».

Еслибъ можно было сказать: *кроз неї*, то было-бы еще точнѣе. А вотъ какъ перевелъ Гальковскій:

«Такъ на сердцѣ стало мнѣ противно....
Изъ ноженъ свою я саблю выпулъ
И ударилъ дѣвушку арапку,
Гдѣ былъ поясъ шелковый повязанъ:
Сабля въ землю врѣзалась съ размаху».

Прибавленъ цѣлый стихъ и ослаблена живость дѣйствія.

Въ пѣснѣ «Женидба Марка Краљевића» (№ 56) слѣдующее мѣсто совсѣмъ не удалось Гальковскому.

«Ја је (ђевојку) нађох на води чатрњи,
Кад је вињох, моја стара мојко!
Око мене трава окрену се».

Онъ переводитъ:

«Повстрѣчалъ её я па колодцѣ,
Поглядѣлъ я па неё, родная!
Вкругъ нея склонялись даже травы....

А у Старицкаго:

«Як побачів я ту дівку, мамо,
Як побачів побіля криниці, —
Аж трава пішла круг мене колом...

Потомъ Марко поручаетъ матери: «спреми мене танке браш-

ьепице» т. е. хлѣбъ изъ лучшей муки: у Старицкаго: «Спечи мині паляницю билу»; а у Гальковскаго: «Приготовь мнѣ пищи на дорогу» — что-то общее, неопредѣленное.

Чтобы дать читателю возможность самому сдѣлать сравненіе и получить изъ того цѣльное впечатлѣніе, приведемъ цѣликомъ два перевода пѣсни «Марко Королевичъ и орелъ»; изъ оригинала-же приведемъ только тѣ слова и выраженія, въ которыхъ рѣзче сказывается особый характеръ того и другого перевода. Гальковскій (стр. 124 — 26):

Разболѣлся Королевичъ Марко:
У дороги легъ онъ подъ доламой,
А лицо платкомъ [1]) покрылъ отъ солнца;
Въ головахъ копье воткнулъ онъ въ землю
И за поводъ привязалъ Шарпна.
На копьѣ его орелъ усѣлся:
Навѣваетъ крыльями прохладу,
Въ клювѣ носитъ воду ключевую
И поитъ водой больного Марка.
Говоритъ орлу лѣсная вила:
«Ты скажи, орелъ, мнѣ ради Бога!
Или видѣлъ ты добро отъ Марка,
Что ему прохладу навѣваешь
И водой поишь его изъ клюва»?
Говоритъ орелъ ей сизокрылый:
«Замолчи ты! Я-ль добра не видѣлъ
Отъ юнака — Кралевича Марка? [2])
Можетъ быть, ты знаешь да и помнишь,
Какъ войска сразились на Косовѣ? [3])
Два царя погибли въ этой битвѣ —
Сербскій Лазарь и Муратъ турецкій.
Кровь рѣкой лилась тамъ; доходила
До стремянъ конямъ она юнацкимъ,
А юнакамъ — по шелковый поясъ.

---

1) Сржајли марама.

2) «Мучи, вило, муком се замукла! како м'није добра учинио, учинио Краљевићу Марко?

3) Можеш знати и паметовати, кад изгибе војска на Косову.

И въ крови той отъ рѣзни великой,
Плавали и кони, и юнаки.
Много птицъ слетѣлося голодныхъ —
И голодныхъ и на мясо жадныхъ —
Наклеваться тѣла человѣчья
И людскою кровію упиться [1]).
Я свои тамъ крылья окровавилъ.
Жарко солнце ясное сіяло,
И подъ нимъ засохла кровь на крыльяхъ, —
Былъ не въ силахъ полетѣть я въ небо [2]).
И летѣла наша птичья стая,
Я одинъ остался на Косовѣ.
Чуть меня на полѣ не стоптали,
Не стоптали кони и юнаки.
Да нанесъ Богъ Кралевича Марка;
Онъ рукой меня изъ крови поднялъ
И съ собою посадилъ на Шарца [3]);
И, отвезши въ горы — въ лѣсъ зеленый,
Посадилъ меня на вѣтку ели.
Частый дождь пошелъ съ небесъ на землю,
Съ крыльевъ кровь омылъ онъ, такъ что могъ я
Полетѣть къ своей орлиной стаѣ. [4])
И еще добро мнѣ сдѣлалъ Марко.
Можетъ быть, ты помнишь да и знаешь
О пожарѣ на Косовѣ полѣ,
Какъ горѣла башня Аджагина? [5])
Были тамъ въ гнѣздѣ мои орлята;
Взялъ къ себѣ за пазуху ихъ Марко
И отнесъ съ собою въ дворъ свой бѣлый.
Цѣлыхъ девять мѣсяцевъ кормилъ ихъ
Да еще къ тому недѣлю [6]);

---

1) А ми тице долетисмо гладне, долетисмо и гладне и жедне, љуцкога се меса наранисмо и крви се љуцке на поисмо.

2) Те се моја крила окорече, ја не мого с крилма полетети.

3) Узе мене из крви јуначке, па ме метну за себе на Шарца.

4) Те се моја крила поопраше, и ја мого с крилма полетити, полетити по гори зеленој, састадо се с мојом дружбиницом.

5) Кад изгоре варош на Косову и изгоре кула Аджагина.

6) Па и рани читав месец дана, читав месец и надељу више.

И затѣмъ пустилъ въ зелены горы,
Гдѣ я съ ними снова повстрѣчался.
Вотъ что сдѣлалъ Королевичъ Марко!»
Это память о юнакѣ Маркѣ:
Былъ герой онъ славный и могучій [1])

М. Старицкій.

Марко й орелъ (стр. 349 — 51).

Лежить Марко понад шляхом хворий,
Огорнувся в доламу зелену,
На вид скинув сріблоткану хустку;
В головóньках застромив він списа,
Коня Шарця привизав до ёго;
Поверх спису орел, птиця сиза,
Ширить крила, холодочок чинить,
А у дзёбі носить воду свіжу
Та юнака раненого поїть.
Коли це з гір обізвалась віла:
«Ой на Бога, сиза птице орле!
Що тамъ добре учинив тобі він,
Учинив цей короленко Марко,
Що крилами холодочок чиниш
І у дзёбі носиш воду свіжу,
Та юнака раненого поіш?»
Одріка орел ій, птиця сиза:
«Цить бо, віло, щоб ти вік мовчала!
Що пак добро учинив для мене,
Учинив цей короленко Марко?
Адже знаеш, памьятаеш певно,
Як лягло два війска на Косовім
І царі погинули обидва —
Царь Мурат і князь преславний Лазарь?
Кров стояла по стремена конім,
А юпáкам по шовковий пояс;
В ій бродили і юнаки, й коні —
Кінь при кóню, при юнаку юнак....

---

1) Спомиње се Краљевићу Марко, као добар данак у години.

От туди ми й налетіли птахи,
Налетіли і голодні й жадні:
Там людського мн паїлись мьяса
І людської напилися крові.
Моі-ж крила намочились в крові;
От, як вгріло ясне солнце з неба,
То мини і пошкарубли крила,
Що й летіти вже було не сила:
Одлетіло товарпство паше, —
А я сам зостався серед поля
На стоптання юнакам та коням!
Тут прийіс Бог короленка Марка!
Взяв мене він из калюжі крови,
По-за себе геть на Шарця скинув,
Одвіз мене на зелену гору,
Та й і скинув на ялову вітку́;
Незабаром дрібен дощ ударив,
Моі крила виполоскав чисто,
Що здолав я знов летіть на крилах,
Полетіти по горі зеленій,
Наздігнати товариське стадо.
Крім того й друге добро для мене
Учинив цей короленко Марко:
Адже знаеш, памьятаеш певно,
Як горіло па Косовім місто,
І згоріла башта Аджагіпа?
Там моі спділи орлепята.
Зратував іх короленко Марко,
Всіх поклав за пазуху шовкову
І заніс до білого до двору;
Годував іх цілий місяць в себе,
Годував іх цілий місяць з тиждпем;
Потім виніс на зелену гору,
Де й злетілись до мене́ орлята:
От мині що учинив той Марко!»
І згадалось короленку Марку,
Який добрий ёму день той випав.

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что переводъ Старицкаго ближе къ оригиналу и языкъ его вообще ближе къ сербскому: но оба переводчика не знаютъ, что *гора* по сербски значитъ лѣсъ, а *кула*—домъ, и плохо перевели два заключительные стиха, при томъ Гальковскій лучше понялъ смыслъ ихъ: не Марко вспоминаетъ этотъ день, какъ передаетъ г. Старицкій, а его вспоминаютъ или хранятъ память объ немъ, какъ говоритъ г. Гальковскій, какъ добрый день въ году, какъ какой-нибудь свѣтлый годовой праздникъ.

Прочитавъ всѣ переводы г. Старицкаго и сдѣлавъ сличеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ оригиналами, мы и въ нихъ замѣчаемъ ошибки и несовсѣмъ правильно понятый смыслъ; но въ цѣломъ не можемъ не признать, что эти переводы на малороссійскій языкъ ближе къ сербскому тексту, чѣмъ всѣ наши великорусскіе; въ нихъ чувствуется больше естественности, легкости и простоты, которыми отличается сербская народная пѣсня. У сербовъ относительно перевода съ чужого языка существуетъ слово *посербить* т. е. совершенно усвоить, претворить въ свое сербское, чтобы казалась сербскимъ оригинальнымъ, а не переводомъ. Тоже самое мы сказали-бы о переводѣ г. Старицкаго; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ онъ дѣйствительно передаетъ «эпическій букетъ подлинника», и мы готовы вмѣстѣ съ нимъ приписать это именно кровному сродству украинцевъ съ сербами, а также нѣкоторому сходству прошлаго въ жизни тѣхъ и другихъ. Отчасти-же это можно приписать и тому, что, какъ сербы, такъ и малороссіяне не создали еще себѣ особаго отъ народнаго, литературнаго языка, какъ у насъ; ихъ литературный языкъ тотъ самый, на которомъ говоритъ ихъ народъ; а ихъ поэзія по содержанію до сихъ поръ вращается въ сферѣ народной пѣсни; да и сами поэты, по крайней мѣрѣ, первые годы своей жизни проводили въ средѣ простого, сельскаго люда, и съ народомъ у

нихъ были общіе не только языкъ, но цѣлое міровоззрѣніе, складъ ума и способы выраженія.

Этого нельзя сказать ни объ нашемъ литературномъ языкѣ, на которомъ высказывается наша поэзія, ни о нашихъ поэтахъ, за весьма немногими исключеніями. Мы переводимъ гораздо лучше съ другихъ европейскихъ языковъ, а изъ славянскихъ съ польскаго, потому что мы съ поляками переживаемъ одинаковую фазу общественной жизни и литературнаго развитія. Мы сказали-бы еще больше: не смотря на разницу алфавита и фонетики обоихъ языковъ, мы съ поляками стоимъ ближе, чѣмъ съ сербами, по духу языка, по конструкціи фразы и синтаксису.

Но, помимо всего этого, у нашихъ переводчиковъ съ сербскаго главный недостатокъ составляетъ неполное знаніе сербскаго языка, и еще меньшее — бытовой стороны сербскаго народа. Отчасти это нужно отнести къ ихъ личной неподготовленности, а частью вообще слабой постановки у насъ изученія славянства. Въ этомъ отношеніи насъ далеко опередили западные народы, въ особенности нѣмцы, которые раньше насъ обратили вниманіе на сербскую народную поэзію, живѣе, чѣмъ мы, приняли её къ сердцу, больше оцѣнили её и въ концѣ концовъ больше сдѣлали для ознакомленія съ нею своего общества и для научной постановки этого ознакомленія.

Приведемъ здѣсь нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи этого дѣла, какъ оно шло и установилось у насъ и на Западѣ.

Первый обратилъ вниманіе на сербскую народную поэзію итальянецъ, просвѣщенный аббатъ А. Фортисъ, который, путешествуя по Далмаціи, заинтересовался оригинальнымъ тамошнимъ этнографическимъ типомъ, *морлаками* и въ своемъ путешествіи, изданномъ въ Венеціи въ 1774 г. (Viaggio in Dalmazia 2 volumi), описываетъ со всѣми подробностями ихъ бытъ, а въ то же время сообщилъ нѣсколько пѣсенъ, частью въ переводѣ, а частью и въ оригиналѣ. Изъ этихъ пѣсенъ «Жалосна пјесанца племените Асан-Агинице» сообщена имъ въ оригиналѣ и въ

прекрасномъ переводѣ. Тамъ-же находятся пѣсни на сербскомъ языкѣ о кралѣ Радославѣ и на итальянскомъ о женитьбѣ Янка Сибинянина и о Милошѣ Кобиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ.

Книга Фортиса вскорѣ была переведена на другіе языки, на нѣмецкій, французскій и англійскій, при чемъ морлаковъ Фортиса отожествляли съ черногорцами; впослѣдствіи этимъ воспользовался французъ Vialla de Sommiere въ своемъ соч. Voyage historique et politique au Monténegro (1820 г.). Съ однимъ изъ этихъ переводовъ, вышедшемъ въ Бернѣ (1776 г.), познакомился Гёте, во время путешествія по Швейцаріи, и перевелъ, хотя и несовсѣмъ близко, пѣсню объ Асанъ-Агиницѣ подъ заглав. «Klaggesang der edlen Frau des Assan-Aga». Въ то время, говорятъ, онъ усвоилъ и въ оригинальныхъ своихъ стихотвореніяхъ хореическій сербскій десятисложный стихъ, не принявши только цезуры послѣ четвертаго слога, какъ то находится въ сербскихъ пѣсняхъ. Въ 1778 г. эта пѣсня появилась въ «Stimmen der Völker» — Гердера. Тогда на неё обратили вниманіе нѣмцы; на англійскій языкъ перевелъ её Вальтеръ-Скотъ; m-me Staël наслаждалась ею на франц. языкѣ. Тогда ученый нѣмецъ въ Вѣнѣ Іоганъ Миллеръ обратился въ Дубровникъ къ тамошнему ученому Феричу, спрашивая у него, нѣтъ-ли тамъ и еще подобнаго рода пѣсенъ; но Феричъ оказался въ этой области совершенно несвѣдущимъ. Наконецъ въ 1808 г. Копитаръ, жившій въ домѣ барона Цейса въ Люблянѣ, прибылъ въ Вѣну, гдѣ поступилъ чиновникомъ въ императорскую библіотеку, исполняя въ то же время должность цензора славянскихъ, новогреческихъ и румынскихъ сочиненій и участвуя, какъ писатель, въ различныхъ вѣнскихъ изданіяхъ съ романтичнымъ направленіемъ. Онъ тотчасъ сталъ черезъ посредство писемъ и печати отыскивать собирателей сербскихъ и хорватскихъ пѣсенъ. Въ 1813 г. случайно попалъ въ Вѣну и Вукъ Стефановичъ Караджичъ; а въ 1814 г. вышла уже небольшая книжечка сербскихъ народныхъ пѣсенъ, частью извѣстныхъ Вуку, а частью записанныхъ имъ отъ одной женщины.

Копитаръ обратилъ вниманіе на эти пѣсни Якова Гримма, который въ 1815 г. находился на вѣнскомъ конгресѣ; ради этихъ пѣсенъ онъ сталъ учиться сербскому языку и написалъ на первую книжечку рецензію въ «Wiener Allgemeine Literaturzeitung». Затѣмъ обратили на нихъ вниманіе нѣмецкіе ученые филологи Фатеръ, Боппъ, Гумбольдтъ, удивляясь и воздавая великую честь сборнику Вука. Въ 1823 и 1824 г. вышли 3 книжки сербскихъ пѣсенъ. Я. Гриммъ снова отозвался объ нихъ въ двухъ статьяхъ въ «Göttinger Gelehrten Anzeiger», ставя ихъ наряду съ пѣснями Гомера. Онъ же рекомендовалъ Гетѣ Вука Караджича, который посѣтилъ его, поднесши въ то же время ему и нѣмецкій переводъ своихъ пѣсенъ въ прозѣ. Гёте впрочемъ больше увлекался лирическими пѣснями.

Въ это время появляется Тальви (имя, составленное изъ начальныхъ буквъ полнаго имени: Therese Albertine Luise von Jakob, род. 1797 г.), дочь профессора политическихъ наукъ въ Галлѣ, съ которымъ она десять лѣтъ (съ 1806 — 1816 г.) провела въ Россіи и тамъ научилась русскому языку. Воротившись въ родной городъ, она предалась литературѣ и вслѣдствіе лестныхъ отзывовъ о сербскихъ пѣсняхъ Я. Гримма занялась ими. Знанье русскаго языка облегчило ей изученье сербскаго, и въ 1825 и 1826 г. вышелъ ея переводъ сербскихъ пѣсенъ: «Volkslieder der Serben metrisch übersetzt. Halle».

Гёте снова отозвался и съ 1825 — 1828 г. въ его журналѣ «Kunst и Alterthum» вышелъ цѣлый рядъ статей о сербской народной литературѣ (въ томъ числѣ и разоблаченіе мистификаціи Проспера Мериме «La Guzla»).

Переводъ Тальви онъ разсмотрѣлъ еще въ рукописи, при чемъ посовѣтовалъ ей распредѣленіе пѣсенъ и сдѣлалъ еще нѣсколько полезныхъ для переводчицы замѣчаній, а главное, онъ совѣтовалъ переводить, какъ можно больше, «такъ какъ нужно, чтобы это народное богаство вошло въ публику (нѣмецкую) въ массѣ».

Этимъ установилось положеніе сербской народной поэзіи въ

нѣмецкой литературѣ, изъ которой она стала распространяться и въ другихъ западныхъ литературахъ. Переводъ Тальви вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1835 г., третьимъ въ 1850-хъ годахъ, не знаемъ, были-ли другія изданія. Нѣмецкихъ переводовъ нѣсколько; у французовъ переводили Шарль Нодье, m-me Elise Voïart, Дозонъ; у англичанъ—Боурингъ, у итальянцевъ—Каррара.

Не распространяясь далѣе, мы останавливаемся на томъ фактѣ, что въ нѣмецкой литературѣ знакомство съ сербскою народною поэзіей составляетъ эпоху. Ею увлекаются — первый нѣмецкій поэтъ, ученые и вообще литераторы, она входитъ въ обращеніе въ обществѣ именно въ массѣ, какъ совѣтовалъ Гёте. Есть мнѣніе, что она имѣла даже нѣкоторое вліяніе на нѣмецкую поэзію.

Благодаря этому, въ нѣмецкой литературѣ вы находите переводы произведеній лучшихъ сербскихъ и хорватскихъ поэтовъ, какъ Гундулича, черног. влад. Петра II, Мажуранича и др., снабженные при томъ коментаріями и статьями относительно тѣхъ поэтовъ и воспѣваемыхъ ими сюжетовъ.

Сербская народная поэзія вошла въ обиходъ у нѣмецкихъ ученыхъ филологовъ, этнографовъ, юристовъ и др. Для изученія сербскаго языка существуютъ хорошіе лексиконы, руководства и хрестоматіи.

Обратимся теперь къ Россіи.

И у насъ, какъ на Западѣ, прежде всего появляется въ переводѣ Востокова «Жалостная пѣсня объ Асанъ-Агиницѣ» (Сѣверные цвѣты 1827 г.). Но на этомъ дѣло, кажется, и останавливается до Пушкина и то въ послѣдніе годы его жизни.

Пушкинъ обратилъ вниманіе на сербскія пѣсни, изданныя П. Мериме подъ заглавіемъ: «La Gouzla, poèsies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegovine», и нѣкоторыя изъ нихъ перевелъ; а послѣ, узнавъ, что это не настоящія сербскія пѣсни, а передѣлка или просто поддѣлка Мериме, онъ обратился къ автору ихъ съ запросомъ, «на чемъ

основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ», на который и полученъ отвѣтъ, помѣченный 18 янв. 1835 г. Пушкинъ однако успѣлъ уже получить собраніе пѣсенъ Вука Караджича и сталъ заниматься сербскою поэзіей; но это было уже поздно.

Учрежденіе въ 1839 г. при университетахъ каѳедры славянскихъ языковъ ввело изученье славянства въ кругъ науки и литературы, но обществу оно прививалось слабо; хотя съ того времени, въ журналахъ, особенно съ спеціально славянскимъ направленіемъ, стали появляться переводы поэтическихъ произведеній западныхъ и южныхъ славянъ.

Это и дало Н. В. Гербелю возможность издать въ 1871 г. сборникъ «Поэзіи Славянъ», который для того времени не оставлялъ ничего лучшаго желать. Въ настоящее время изданіе это сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Могло-бы быть новое изданіе съ дополненіями и нѣкоторыми измѣненіями; но не находится, кто-бы могъ за это взяться; да и не знаемъ, много-ли бы привелось измѣнить и дополнить.

Есть у насъ прекрасное сочиненіе по исторіи литературы славянъ Пыпина и Спасовича (Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, перв. изд. 1865 г.), которое пережило два изданія, и тоже въ настоящее время не находится въ продажѣ. И это сочиненіе, значитъ, должно быть вновь издано, также конечно съ дополненіями. Но это трудъ большой и потому для первыхъ его составителей безъ чьей-либо помощи очень трудный; а вновь составить или помочь, какъ видно, некому.

Что-же касается словарей и другихъ пособій для переводовъ съ другихъ славянскихъ языковъ, то тутъ у насъ оказывается полнѣйшая несостоятельность.

Судя по тому, какъ расходятся такія книги, какъ сборникъ Гербеля и исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича, въ обществѣ пробужденъ уже интересъ къ славянству; переводы Гальковскаго и Старицкаго также указываютъ на этотъ интересъ; но у насъ и этому слабому пробужденію не отвѣчаетъ научная постановка изученія славянства. Вслѣдствіе

этого въ литературѣ нашей мы встрѣчаемъ только одинокія попытки, которыя мы радостно привѣтствуемъ, но не находимъ въ нихъ того, что могло-бы возбудить въ нашемъ обществѣ одушевленіе, подобное тому, какъ въ нѣмецкомъ обществѣ его возбуждали Гёте, Тальви, Гриммы, Гумбольдтъ и ихъ преемники, продолжающіе начатое ими дѣло до настоящаго момента.

П. Ровинскій.

VII.

Ф. Заринъ: Стихотворенія. (С.-Петербургъ. 1899).

Сборникъ стихотвореній г. Зарина содержитъ въ себѣ 50 мелкихъ стихотвореній, переводы Паризины Байрона и трехъ стихотвореній Ады Негри, оригинальную поэму Сафоръ и двѣ драматическія сценѣ — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ возраста автора; говоримъ — къ сожалѣнію, потому что отъ этого обстоятельства въ значительной мѣрѣ должно зависѣть критическое отношеніе къ его произведеніямъ. Если авторъ уже зрѣлый человѣкъ и сборникъ является плодомъ труда цѣлой жизни, книгу г. Зарина слѣдуетъ признать не заслуживающею вниманія. Если же авторъ молодъ и подлежащая нашему разбору книжка его стихотворенія только первый опытъ литературнаго творчества, мы не можемъ не признать въ г. Заринѣ молодого поэта, подающаго лучшія надежды, и который можетъ со временемъ завоевать себѣ почетное мѣсто въ русской литературѣ, конечно подъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго саморазвитія и добросовѣстнаго труда надъ усовершенствованіемъ внѣшней формы своихъ произведеній.

Отсутствіе въ поэзіи г. Зарина столь распространеннаго въ настоящее время недуга исканія чего-то новаго, небывалаго, невиданнаго и неслыханнаго, безыскуственное отношеніе его къ избираемымъ имъ сюжетамъ, яркость образовъ и звучность сти-

ховъ — все это вмѣстѣ взятое производитъ въ читателѣ самое пріятное и, такъ сказать, успокоительное впечатлѣніе. Правда— въ произведеніяхъ г. Зарина еще не проявляется полная самостоятельность, свойственная лишь зрѣлымъ талантамъ, — отъ всей книги вѣетъ духомъ избранныхъ авторомъ себѣ въ образцы нашихъ великихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова; но самый выборъ такихъ образцовъ и независимость г. Зарина отъ чуждаго истинному искусству, современнаго декаденства уже свидѣтельствуютъ о здоровьѣ и силѣ его поэтической природы. При томъ г. Заринъ не слѣпой подражатель; онъ пока только усвоиваетъ себѣ пріемы творчества нашихъ классиковъ, чему нельзя не порадоваться.

Талантъ г. Зарина, по нашему мнѣнію, преимущественно драматическій. Въ лирическихъ произведеніяхъ и въ поэмѣ «Сафоръ» онъ не возвышается надъ уровнемъ посредственности, хотя и въ нихъ встрѣчаются сплошь прекрасные и звучные стихи. Для примѣра мы укажемъ на двѣ лирическія пьесы — «Моихъ незбыточныхъ желаній я въ сердцѣ пламень затаилъ» (стр. 10) и «Луннымъ свѣтомъ озаренныя въ эту ночь издалека пролетаютъ, окрыленныя надъ мною облака» (стр. 48).

Въ нихъ красота и правильность формы вполнѣ соотвѣтствуютъ правдивой простотѣ и жизненности лирическаго содержанія. Такихъ стихотвореній въ сборникѣ можно найти довольно много.

Поэма «Сафоръ»—юношески незрѣлое произведеніе въ родѣ Лермонтовскаго Хаджи-Абрека; но и оно отмѣчено печатью несомнѣннаго дарованія, написано гладкимъ, правильнымъ четырехстопнымъ ямбомъ и, страдая растянутостью, изобилуетъ однако очень яркими описаніями природы. Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ вышеназванныя драматическія произведенія — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Послѣднее, по нашему мнѣнію, въ особенности отличается характерностью дѣйствующихъ лицъ, живостью движенья и красотою языка, нигдѣ не впадающаго въ прозаизмы—достоинство весьма цѣнное

и рѣдкое въ стихотворныхъ драмахъ, написанныхъ бѣлымъ пятистопнымъ ямбомъ. Третье явленіе первой картины съ діалогомъ между актеромъ Гаррикомъ и Герцогиней Лейтонъ и вся послѣдняя, третья картина могли бы (будучи поставлены на сцены въ игрѣ хорошихъ артистовъ) произвести глубокое художественное впечатлѣніе.

Мы однако не считаемъ нужнымъ войти въ болѣе подробный разборъ этихъ сценъ, такъ какъ вообще не рискуемъ подать свой голосъ за присужденіе г. Зарину преміи.

Представленный имъ на соисканіе преміи сборникъ свидѣтельствуетъ только о наличности въ его авторѣ поэтическаго дарованія. Г. Заринъ, какъ мы уже сказали выше, — если онъ притомъ очень молодъ, — подаетъ блестящія надежды... Но и только.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.